

Дни Пушкина

Сила любви советского народа к великому Пушкину вылилась в грандиозное, поистине всенародное празднование полуторавековой годовщины со дня рождения гениального поэта России. В эти дни мы узнали, например, что на многих больших заводах существуют кружки, изучающие пушкинское литературное наследие. Такой кружок давно уже создан на Ленинградском заводе «Красный выборжец». Члены кружка — рабочие — читают доклады о творчестве поэта и о его жизни. Есть такие кружки и в колхозах. Несколько дней назад многолюдная читальская конференция собралась в селе Языково, Тагайского района, Ульяновской области.

Пушкинские конференции проходили в самых отдаленных областях нашей необъятной Родины: в стойбищах Якутии, у лесорубов Карелии, в горных кишлаках Таджикистана. В Магнитогорске именем Пушкина назван центральный проспект города. На этом проспекте в дни торжеств открыт был памятник поэту. И сразу же у подножья памятника выросла гора живых цветов, букетов, венков, принесенных школьниками и старыми рабочими, тысячами людей, для которых свято пушкинское слово.

Цветы к памятникам несли везде — в Москве и в Одессе, в Ленинграде и Башкирии. Много новых памятников было открыто в местах, связанных с памятью о живом поэте: в Армении, на перевале, где Пушкин повстречал грузин, сопровождавших тело Грибоедова, убитого в Тегеране; в селе Берды близ города Чкалова, где Пушкин собирал материалы о Пугачеве; в селе Захарово под Москвой и в Каменке на Украине...

В Захарово праздник был отмечен не только открытием памятника. Там приехали из Москвы академики, научные и общественные деятели. Академик Б. Д. Греков сделал там доклад о всемирном значении творчества А. С. Пушкина, а колхозник П. Н. Беленев с той же трибуны говорил о том, чем дорого слово поэта для каждого советского человека.

Все эти факты, — а их великое, не поддающееся перечислению множество, — свидетельствуют прежде всего о грандиозном росте культуры в нашей стране. Около семидесяти лет назад, в дни открытия памятника, созданного скульптором Опекуниным, Н. С. Тургенев мог лишь мечтать о том, что творчество Пушкина станет известным и доступным народу. Эта мечта так и оставалась мечтой вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Даже через узкий круг годичных читателей насение великого поэта представляло в изученном, обедненном виде.

Только социалистическая революция отдала нашему народу его величайшего поэта, а самому Пушкину дала того читателя, о котором он страстно мечтал всю свою жизнь.

К празднованию юбилея вошло многолюдными играми вышедшие полные собрания сочинений поэта, трехтомники, одотомники, избранные стихи, отдельные поэмы и сказки, издания для взрослых и для детей, переводы на десятки языков. И все это мгновенно было поглощено нетерпеливым читателем, все размещено на книжных полках студентов и колхозников, академиков и школьников — всех тех, кто так часто, взяв в руки любимую книгу, на память повторяет давно знакомые, дорогие, немеркнущие строки.

Пушкинские торжества — праздник всей нашей советской социалистической культуры.

Разметчик завода «Красный выборжец» Г. Дубинин, записывая свою статью («Литературная газета» № 45), говорит:

«Кругом меня трудятся замечательные люди, сердце которых открыто пушкинскому стиху, как оно открыто для всего прекрасного. Это люди, которые строят коммунизм, это люди, которые в коммунизм возьмут с собой Пушкина. Он и там будет нашим современником».

В том, что сердца миллионов советских людей открыты для всего прекрасного, дают себя знать плоды той грандиозной культурной революции, которая свершилась в нашей стране под руководством партии большевиков. Гений Ленина — Сталина одухотворил наших людей, приобщил их к великой сокровищнице культуры и разбудил в них, доселе невиданные творческие силы.

Вместе с советскими людьми пушкинские дни торжественно отмечали все мыслители и передовые люди во всех странах земного шара.

В своем выступлении с трибуны Большого театра китайский писатель Еян Сюа напоминал о том, что на китайской земле поставлен памятник лишь одному иностранному писателю. Этот памятник стоит над рекой Хуэй-Ну в Шанхае, недавно окончательно освобожденном китайской Народной армией. И это — памятник Пушкину.

Восьмидесятилетний датский писатель Мартин Андерсен Нексе — испытанный боец за свободу и счастье человечества — говорил о Пушкине:

«Писатели наших дней могут и должны учиться у него той истине, что место писателя — в авангарде человечества».

Пушкин, как имя, олицетворяющее волю к борьбе за свободу, является для современной реакции такой же угрозой, какой он был для жандармов Бенкендорфа.

Один из современных бенкендорфов — генерал Макарув не разрешил выезд на пушкинские торжества японскому писателю Бюхрихту Курохара. Английские жандармы отказали в разрешении на выезд индийскому писателю Муку Радж Анану. Полиция Уол-стрит, претендующая на роль всемирного «Штабс-квартиры», запретила поездку на пушкинские торжества Говарду Фасту.

Но Пушкина чествовали и в Нью-Йорке, и в Дели, и в Токио, и в Лондоне. Пушкинские торжества вдохновенно и широко развернулись в странах народной демократии.

Советские люди бережно приняли все лучшее и прогрессивное из того, что создано наш народ на протяжении веков.

Культура страны социализма озарена немеркнущим светом гениальных идей Ленина — Сталина. В этом ее могучая сила, в этом — ее всемирно-историческое значение.

Наша социалистическая культура — это неисчерпаемый идеологический арсенал, который вооружает всех, кто борется за истинные права человечества: за свободу и независимость, за нерушимый мир между народами, за вдохновенный творческий труд без эксплуататоров и паразитов, за неограниченное счастье грядущих поколений. Слово Пушкина — неержавое оружие в этом арсенале.

Вот почему празднества в честь великого поэта превратились во всенародное торжество всей социалистической культуры.

Миллионы советских людей отметили пушкинские юбилеи, как долгие наследники всех сокровищ, созданных веками творческой мысли, охраняющие и неустанно усовершенствующие принятое ими наследство. И в этом грандиозном всенародном празднике культуры полно и ярко сказались плоды мудрой политики партии Ленина — Сталина, плоды неустанной заботы великого вождя народов товарища Сталина об изобилии культуры в стране победоносного социализма.

Пушкинские торжества — праздник всей нашей советской социалистической культуры.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 47 (2534)

Суббота, 11 июня 1949 г.

Цена 40 коп.

Говорит «Урожай»

5 июня 1929 года Совет Труда и Обороны издал постановление об организации машинно-тракторных станций. В нашей стране можно сколько угодно встретить трактористов, родившихся в год создания МТС, а то и позднее, в тот год, когда языком плакатов и поэм народ говорил о своей мечте — 518 новых заводов и 1040 МТС.

В 1924 или, быть может, в 1925 году, в одном из рабочих клубов на окраине Москвы случилось мне увидеть документальный фильм о заводах Форда. Как зачарованные, смотрели мы на необычную машину, несколько напоминавшую автомобиль, но короткий, как бы обрубленный сзади, с широкими металлическими колесами — задние значительно больше передних, — на которых вместо резины были кованые железные штыри. Трактор грубо сошел с конвейера, к нему прицепили плуг, и он уполз в глубь акрана, оставляя позади себя черную ленту пахоты. В какое сравнение с этим чудом могла идти лошадь!

Впервые трактор изобретен в России крепостным крестьянином-самоучкой Федором Абрамовичем Блиновым, но только в советское время наша Родина стала самой крупной в мире страной тракторостроения. На Алтае и в Сталинграде, в Челябинске и во Владимире ежегодно сходат с конвейера многие десятки тысяч великолепных машин, по сравнению с которыми жалким кажется сейчас парашютистское вооружение «Фордзон».

Но я вспомнил о «Фордзоне», увиденном мною на экране заводского клуба двадцать с лишним лет назад, вовсе не для того, чтобы сравнить технические и экономические свойства наших и заокеанских машин, — это дело инженеров, — меня же интересует та социальная роль, которую сыграл трактор в сельском хозяйстве США и СССР. Что принесло это чудо двадцатого века советскому и американскому крестьянину?

Если вам доводилось бывать в МТС, то вы легко воображаете себе усадьбу Таловской машинно-тракторной станции в знойный день конца мая — черную и выбитую землю в рудных пятнах мазута, установленную голубыми, оранжевыми, желтыми и красными машинами; белые домики мастеровских, осененные тихой зеленью деревьев; лязг железа, рокот станков, запахи нагретого металла и сперевшей соли. Только тракторы не вылазят, — они в стени, на бригадных столах.

Тракторы Таловской МТС первыми в Воронежской области закончили в двадцатом часу вылет майских паров, и сейчас иные из них думают черные пары, другие — обрабатывают пропашные культуры. Но вы можете увидеть расползающиеся тракторные бригады, узнать, что в данную минуту делает любой из 77 таловских тракторов, не выходя за пределы усадьбы.

Загляните в диспетчерскую — в белую солнечную комнату с трескательными keypadными завесками на окнах. Обширный стол здесь занят картой земельного массива МТС, площадь которого, включая дороги, пруды и усадьбы, составляет без малого тридцать семь с половиной тысяч гектаров. Вся эта земля отана в реинное пользование сорока колхозам. Поля этих колхозов, окрашенные красной или желтой, коричневой или зеленой краской — в зависимости от произрастающей на них культуры, — изображены на карте. Среди полей разбегались враспыленную медные с красными флажками фигурки, обозначающие тракторы.

Диспетчер Павел Игнатьевич Коний, перевернувшись усевенную пирамиду на педрый квадрат поля, сказал, что это «Универсал» из шестнадцатой бригады обрабатывает подсолнух. Диспетчер только что кончил разговаривать с шестнадцатой. Он стоит у своего стола, несколько напоминающего бюро или старинную конторку, на верхней плоской доске которого помещается радиостановка «Урожай» — небольшая серого цвета шкатулка с рычагом наверху и покоящейся на рычаге телефонной трубкой. Рядом — обыкновенный репродуктор. В репродукторе что-то гудит, воеет, потрескивает, словно кем-то ватнута там бесконечная струпа, словно кто-то раскалывает там тонкие стеклянные пузыри. «Диспетчер!.. Диспетчер!» — возникает вдруг в этом шуме и треске чей-то хриплый голос, идущий из стени, сперва слабый и невнятный, а затем все более сильный, отчетливый: «Диспетчер!» Павел Игнатьевич берет трубку: «Диспетчер слушает! Кто говорит?» «Говорит пятая... Здравствуйте!» «Здравствуйте, пятая! Можно приступить к междурядной обработке». «Ага... приступим. Дайте нам в шесть московское радио...»

Павел Игнатьевич поочередно разговаривает со всеми бригадами, переставляет фигурки на карте, а я беру покуда диспетчерский журнал, углубляясь в него, и передо мной раскрывается все значение этой маленькой радиостановки, не случайно названной ее конструкторами «Урожай» — этим издавна дорожит для народа слово.

Вот две записки из журнала, свидетель-

ствующие о том, насколько «Урожай» помогает МТС оперативно руководить бригадами, насколько экономит он время, стоить дороже в сельскохозяйственном производстве, где день год кормит.

«16.IV. Одиннадцать часов ноль ноль минут. В бригаде № 10 рассыпался подшипник. Одиннадцать часов тридцать пять минут. Выяснить наличие и отправить. Двадцать часов ноль ноль минут. Отправлен с ремонтной летучкой».

«25.IV. Восемь часов двадцать минут. Учетчик бригады № 5 спрашивает: сеять ли в «Новом пахаре» траву «Универсал-2» или переждать в колхоз Чкалова сеять пшеницу. Девять часов ноль ноль минут. Должено директору. Девять часов пятнадцать минут. Директор ответил по-итти лошади!»

Великое значение техники для нашего колхозного производства постигаешь не только в диспетчерской, на этом командном пункте МТС, откуда директор МТС Петр Петрович Шевляков, его заместитель по политической части Петр Семенич Канцеляристов и старший агроном Яков Нович Гринев руководят работой тракторных бригад.

Пройдитесь по усадьбе, где не протолкаться среди машин, металлические и деревянные части которых, нагретые на солнце, так и пынут жаром. Вы увидите здесь давно уже работающие в колхозах машины и приспособления, но рядом с ними стоят новые, совсем недавно созданные нашими конструкторами.

Вот огромные, с половиной товарного вагона железные ящики на двух колесах — соломокопилки, которые работают в спешке с обычным комбайном. Сколько пота лужено было пролить и как помазать шишу в нестерпимый летний зной, когда и камень способен, кажется, треснуть, если бы не эти орудия, копящие солому!

Рядом с ними, сверкая красным объективным корпусом, утвердившимся на упругих, обутых в резину колесах, стоят самоходные комбайны «Сталинцы». На зрительная память легко воспроизводит послепевное хлебное поле, по которому, волоочась за черным и жирным трактором, плывет угловатый, состоящий из прямых плоскостей «Коммунар». Этому летнему сельскому пейзажу нет и двух десятилетий. И трудно себе представить среди волнующихся хлебов эту новую, легкую, какого-то городского тина машину, напоминающую скорее троллейбус, нежели уборочный агрегат.

Но «Сталинцы» — не единственная новал машина в современной советской деревне. В колхозе «Под знаменем Ленина», у вагончика трактористов, я увидел два длинных места с приреченными к ним рамами, обтянутыми полотном. Яков Нович Гринев объяснил мне, что это указки для самолета. Действительно, самолет стоял поодаль в стени. На рассвете и ближе к вечеру, когда нет ветра, он омыляет ялом свекловичные плантации.

Тот же Яков Нович показал мне какие-то ребристые, с круглыми дисками железные приспособления, лежащие кучей в одном из углов усадьбы МТС и восторжко похожие на обычные сельскохозяйственные орудия, скажем, борону, что я бы и не обратил на них внимания. Это были бородабделатели. Они устанавливаются на обыкновенной седелке, когда необходимо засеять полевую часть, и прокладывают борозды, по которым потом пойдет вода. К слову сказать, в восьми колхозах Таловской МТС в нынешнем году уже орошается двести тридцать гектаров посева.

Затем Гринев повел меня к свеклокомбайнам, которые со своими транспортными и движущимися частями чем-то напоминают фабричные станки.

Если вспомнить, что сахарную свеклу убирают позже всех других культур, в осеннюю стужу и сылокот, что женские руки берут ее из земли, холодною, скользкую и тяжелую, что озбише эти руки должны еще и обрубить жесткую ботву, — если вспомнить все это, хочется обаяжить голову перед машиной. И перед «Сталинцем», расходящим влово мчеще горячою, нежели другие комбайны; и перед бородабделателем, который открывает новую страницу в истории земледелия; и перед самолетом, благодаря которому нечаянно глуть шишу над свекловичной плантацией. Хочется земю поклониться тем, кто создал эти и многие другие машины, и тем, кто на них работает.

В колхозе Таловской МТС семидесят семь процентов работ механизировано.

Когда Петр Семенич Канцеляристов сообщил мне эти цифру, я вспомнил прочитанную мною недавно книгу, вышедшую в 1947 году в Нью-Йорке, — «Американский фермер».

Автор этой книги, Лл Фрайр, говоря о ее направленности, открыто заявляет, что «...книга возражает против неумеренной индустриализации сельского хозяйства США, пренебрегающей благосостоянием фермерского населения в будущем».

Лл Фрайр подкрепляет свои возражения довольно убедительными доводами:

«Фермеру, имеющему 40 акров, тракторное снаряжение стоимостью в 1.000 долларов обходится в 25 долларов с акра. Земледелец, имеющий 1.000 акров, может обавестись тракторным снаряжением на 4.000 долларов, затратив всего 4 доллара с акра. Крупный земледельец будет пользоваться трактором 150 дней в году, что будет ему стоить 2,70 доллара за каждый день, а амортизация обойдется в 10 центов с акра. Мелкий фермер будет пользоваться трактором 15 дней в году, т. е. каждый день обойдется ему в 7 долларов, а амортизация — 2,50 доллара с акра. На таких условиях он конкурировать, ясно, не может».

Машина не только несет разорение американскому мелкому фермеру, — она гонит его прочь с земли и даже не оставляет возможности работать на чужих полях.

«Работу, ранее выполнявшуюся девятью миллионами человек, — пишет Лл Фрайр, — в дальнейшем будут выполнять шесть с половиной миллионов. Какое будущее ожидает эти миллионы рабочие руки? Где найдут они источник пропитания? В больших городах? Какой вздох! Там некуда будет девать и своих безработных».

Американцу, правда, невдомек, что дело не в машине, а в общественном строе.

Таловский крестьянин некогда собрал с гектара земли на круг пять-шесть центнеров зерна. А нынче на той же земле он собирает в среднем шестнадцать. В отдельных колхозах урожай и того выше. Колхоз «Крестьянский труд», где работает тракторная бригада Никиты Григорьевича Пороотникова, выростил в прошлом, суховейном для Воронежской области году по двадцать центнеров озимой пшеницы на каждом гектаре, по одиннадцать центнеров семян эснарета и по двадцать два центнера озимой ржи.

Сравните колхозника из «Крестьянского труда» или, к примеру, из «Богатыря», где ежегодно выдают на трудящегося от трех до шести пшлотрамов хлеба, — сравните этого свободного и достаточного, исполненного чувства собственного достоинства человека с американским фермером, портрет которого рисует Лл Фрайр, и вы увидите, какую социальную функцию выполняют машины и новейшие агротехнические мероприятия в социалистическом обществе и в обществе капиталистическом.

«Наружность у него невзрачная, — описывает американского фермера Лл Фрайр. — Вам понадобятся, может быть, годы на то, чтобы убедиться, что он из той же плоти, что и вы, что его страна — ваша страна и что изювь у него в жилах такая же горячая и густая, как ваша. Ему просто очень трудно живется, вот почему он так странно выглядит... У него куряная губа потому, что в детстве был рахит. Он болен пеллагрой, малярией, оспой, гермором, гриппом, брюшным тифом — всеми болезнями, какие только есть на свете. Нужно удивляться, как он еще жив... Если вы с ним заговорите, он будет называть вас «сэр», обнаруживая совершенно неуместное рабобленство».

Я вспомнил приведенные выше строки, где американский интеллигент не узнает в мелком фермере своего соотечественника, попросту не узнает в нем такого же, как он, человека, в связи со следующим, обычным в нашей стране, эпизодом.

Группа научных сотрудников Института земледелия имени В. В. Докучаева, шефствующего над Таловской МТС, осматривала колхозные поля. Среди ученых были и колхозники, хозяева этих полей.

Когда я наблюдал их, вместе осматривающих колхозские озимые, густые многолетние травы, ровные строчки яровых, очертившие черную землю, трепетавшие на ветру молодые деревья ползающих полей, — мне вдруг пришло в голову, что они удивительно похожи друг на друга, ученые и колхозники. И дело тут не только в одежде, почти одинаковой у тех и других, — чуть выгоревшие па жарком солнце подтяжки и пестрые летние платья, армейские гимнастерки у бывших фронтовиков. Дело не только в одинаково загорелых лицах и в одинаково сильных, споривших рабочих руках.

Конечно, знания ученых неизмеримо выше, нежели колхозников, словарь богаче и кругозор шире, но родила всех этих мужчин и женщин одинаковая хозяйская заинтересованность, с какой и колхозники и ученые подсчитывали зерна в колесе, осматривали узлы кулечника и корневую систему нежных еще яровых растений. И была еще одна, может быть, главная черта, присущая и тем и другим, — пылливый взгляд соплателя и творца, полагающегося уже не столько на мысленную силу, сколько на обогащенный знаниями разум.

Колхозный строй и неоглаемая часть его — государственные машинно-тракторные станции, соединившие в себе все достижения нашей индустрии, агрономической науки и социалистического метода ведения хозяйства, изменили стиль деревенской жизни.

Вот о чем говорит радиостанция «Урожай», выявляющая, на мой взгляд, символом современной колхозной деревни.

ТАЛОВАЯ, Воронежской области.

Пионеры освоения Севера

С древнейших времен русские мореходы прославили себя замечательными открытиями на Севере.

Известный советский полярный исследователь, член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии В. Визе в одной из своих последних работ предпринял интересную попытку собрать воедино имена простых людей — русских пионеров освоения Севера.

Его труд «Русские полярные мореходы XVII—XIX вв.», основанный на документальных материалах, представляет собой географический словарь русских путешественников из промышленных, торговых и служивых людей. Словарь содержит около ста имен, до сих пор мало известных в науке. В большинстве случаев — это не профессиональные моряки. Однако на протяжении веков они, самоотверженно преодолевая великие трудности, продавали грандиозную работу. Детали их выдающихся географических открытий только сейчас начинают выясняться.

Вот нижежанин Л. Шубин, по прозвищу Пляхан. Он в 1601—1602 гг. с отрядом в 40 человек совершил успешное плавание на четырех коках из Холмогор в Мангазею. Шубин оставил подробное описание плавания, которое до сих пор было известно только специалистам.

А кто знает о торговом человеке К. Курочкине? Он в 1610 году совершил плавание из Туруханского зимовья вниз по Енисею и далее от его устья — вверх до реки Писны. Курочкин открыл, что «продка с моря к енисейскому устью есть... и что большим кораблям из моря в Енисей пройти мочно».

Здесь мы находим имя русского казака родом из Великого Устюга Семена Дежнева, великий географический подвиг которого — открытие пролива между Азией и Америкой — был оценен по достоинству лишь в позднейшее время.

Чрезвычайно интересны биографические подробности, касающиеся Василия Дорофеева Ломоносова отца великого русского ученого Михаила Васильевича Ломоносова. Он родился в 1681 году. Проживал в Курострове (близ Холмогор). Плавал у Баренцова и Белом морях. Когда его сыну Михаилу исполнилось десять лет, Василий Дорофеев стал брать его с собой в море. Василий Ломоносов был первым среди поморов строителем южного в те времена на русском Севере судна — большого галюта «Чайка».

Много других интересных сведений о русских мореходах-пионерах освоения Севера — найдет читатель в этой книге.

Проф. В. Визе продолжает свои изыскания, относящиеся к истории исследований советской Арктики.

Латышские писатели в колхозе «Земля зеленая»

РИГА (Наш корр.). «Земля зеленая» — так называется выходящее произведение латышского писателя Андерса Уинта, удостоенного Сталинской премии.

Недавно большая группа латышских писателей — Андерс Уинт, Ян Сурабалис, Анна Саксе, Арьян Грингулис, Игнат Муйжнек, Александр Чак и другие — посетили колхоз «Земля зеленая» в Воронежской области, Огского уезда. Многие крестьянские семьи, находившиеся в этой области, ярко и убедительно описаны А. Уинтом в его романе.

Колхозники сердечно встретили гостей. Председатель колхоза тов. Вайсберг рассказал писателям об успехах артельного хозяйства.

В Доме культуры состоялся литературный вечер. Яркую речь о великих преобразованиях латышской деревни, об успехах советской литературы, запечатлевшей эти преобразования, произнес А. Уинт.

Колхозный хор исполнил произведения советских композиторов и латышские народные песни.

КОЛХОЗНЫЕ КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ

В колхозе имени Кагановича, Аняевского района, Одесской области открылся книжный магазин. В день открытия бригады полеховской бригады Григорий Громлюк приобрел несколько книг: «Счастье Пявлянка», «Золотые сынышки» Рыбко-Кляча, избранные произведения Котляревского. Знатная женщина Елена Шалар купила одностопию стихов Некрасова, «В крымском подолье» Коллова и серию брошюр об опыте мастеров высокого урожая.

Книжные магазины и киоски открылись в последние дни также в колхозах имени Сталина, имени Горького, «13 лет РККА» и других сельскохозяйственных артелях Аняевского района.

МДС

Много автомобильных дорог строится и восстанавливается в нашей стране. Эту работу осуществляют МДС — вновь созданные сеть машинно-дорожных станций. Лишь на территории РСФСР в прошлом году было введено в действие 20 таких станций, а к концу нынешнего года количество МДС возрастет до 66.

Машинно-дорожные станции оснащены самой передовой строительно-техникой. Все работы механизированы. Каждая станция располагает богатым набором землеройных машин, грейдеров, бульдозерных скреперов, бульдозеров. Землеройная машина, обслуживаемая одним-двумя квалифицированными рабочими, заменяет более ста землекопов. Транспортировка камня, щебня, песка и гравия производится автосамосвалами. Черные материалы (битум и другие) в горном виде развозятся и разлагаются автогудронаторами; уложенный материал уплотняется моторными катками.

МДС выполняет весь комплекс работ: она своими силами не только строит дороги, мосты, подсобные сооружения, но и заготавливает все необходимые местные материалы.

Полная механизация всех процессов позволяет строить машинно-дорожными станциями во много раз снизить трудоемкость дорожных работ.

Коллектив каждой МДС состоит примерно из 300—400 человек; не менее трети приходится на долю высококвалифицированных рабочих — трактористов, скреперистов, бульдозерщиков, шоферов, механиков. Эти кадры формируются и готовятся, как правило, из местного населения.

Концерты Поля Робсона в Москве

В Москве гостит приглашенный Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей известный негритянский певец и прогрессивный общественный деятель Поль Робсон. Его концерты привлекали внимание и были тепле встречены столичной общественностью, которая по достоинству оценила высокое мастерство этого замечательного певца. Появление П. Робсона зрителям неизменно встречают продолжительными и горячими аплодисментами.

В состоявшихся уже концертах Поль Робсон исполнил негритянскую народную

песню «Водонос», английскую народную песню «Над горами, над водами», песни советских композиторов — «Любимый город» Н. Богословского, «От края и до края» Н. Державинского и другие.

С особым подъемом исполняет П. Робсон свою любимую песню «Широка страна моя родная» И. Дунаевского.

Сегодня очередной концерт П. Робсона состоится в Зеленом театре Центрального парка культуры и отдыха имени Горького, где будет присутствовать свыше десяти тысяч зрителей.

НОВЫЙ ОТРЯД МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

В вузах страны студенты-выпускники зачисляют дипломные работы и сдают государственные экзамены. Около 140 тысяч молодых специалистов — инженеров, агрономов, врачей, агрономов — получат в промышленности и сельском хозяйстве страны в нынешнем году. Это самый большой выпуск советской высшей школы за все время ее существования.

60 тысяч молодых людей оканчивают университеты и педагогические институты. В том числе — полторы тысячи выпускников Московского государственного университета имени Ломоносова. Большинство дипломных работ воспитанников этого старейшего в стране высшего учебного заведения отличается глубиной мысли и знанием изучаемых предметов.

Многие выпускники биологического, геолого-почвенного, исторического, филологического и других факультетов направляются на Дальний Восток, в Сибирь, в Башкирскую АССР — они будут вести педагогическую и научно-исследовательскую работу.

Большую группу учителей средних школ и педагогических училищ выпускает Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина. С путевками Москвы молодые учителя поедут в Приморский, Алтайский, Красноярский края, Якутию, Читинскую область, в центральные районы страны.

Многие молодые инженеры командированы на сталинградский завод «Красный Октябрь», на «Амурсталь» на Челябинский, Златоустовский и другие заводы страны.

Около 200 студентов получают дипломы инженеров в Станкоинструментальном институте имени Сталина. Среди других работ отмечен дипломный проект Филиппова. Он сконструировал новый станок для обработки внутренних отверстий металлических изделий.

В ближайшие дни начинается защита дипломных работ в Московском институте механизации и электрификации сельского хозяйства и Лесотехническом институте. Уже нынешним летом выпускники этих высших учебных заведений можно будет встретить на машинно-тракторных станциях, в областных конторах «Сельэлектро», на лесозащитных полках. Обогащенные знаниями, молодые инженеры вместе с колхозниками будут бороться за дальнейший подъем сельского хозяйства, за преобразование природы.

Одновременно с москвичами выходят на широкую дорогу творческой деятельности выпускники многочисленных высших учебных заведений страны. Так, например, 47 технических вузов Украины выпускают около 8000 молодых инженеров.

В Хабаровский край уже начали прибывать молодые специалисты сельского хозяйства. Недавно сюда приехала группа агрономов, окончивших Московскую сельскохозяйственную академию имени Тимирязева и Воронежский сельскохозяйственный институт. Всего в этом году в край приедут 400 молодых специалистов из различных вузов страны.

Полным голосом и с величайшей убежденностью говорил о всемирном значении Пушкина, как «величайшего в мире художника», Максим Горький.

Мировое значение писателя проще и, казалось бы, естественнее всего измеряется его всемирным признанием, всемирным влиянием. Советским исследователям удалось собрать очень большой материал, наглядно свидетельствующий о том, что творчество Пушкина почти с первых же шагов обратило на себя пристальное внимание в Западной Европе, что основные произведения Пушкина многократно переводились на другие языки и встречали исключительно восторженную оценку со стороны выдающихся мастеров литературы и искусства.

В настоящее время стали известны и новые факты его рода. Так, оказалось, например, что Пушкин является одним из любимых писателей в Венгрии. «Евгений Онегин» за неполные сто лет издавался здесь двадцать два раза (против десяти изданий в Германии, шести — во Франции и трех — в Англии).

По мировому значению Пушкина отнюдь не определяется только размерами его мирового влияния. Важнее установить значение пушкинского творчества в истории развития мировой литературы.

Для великих французских писателей той эпохи — Бальзака, Стендаля, Гюго — наполеоновская эпопея являлась предметом романтических соображений и романтических грез. Для Байрона торжество английской буржуазии над Наполеоном было источником его демониического разочарования и гордого демониического протеста. Для Пушкина же война 1812 года была источником неиссякаемой веры в народ, ярким свидетельством величия русского народа, своей собственной приобщенности к этому величю.

По этой национальной и национальной почве и вырастает пушкинская поэзия действительности — пушкинский реализм.

В то же время пушкинский реализм был овеян дыханием передовых, освободительных идей своего времени. В литературу Пушкин вошел на гребне поднимающейся декабристской волны.

На Западе — во время Пушкина — происходит крупнейшее великое идейное просветление, устанавливается буржуазный строй, освещающий свое священное, замаскированный «экзотизмом», прикрывающий религиозными и политическими иллюзиями... эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, чертовой». В связи со всем этим на Западе — пора великих разочарований и утраченных иллюзий, демониического презрения к человеку, к народу.

У нас в это же время — начало русского революционного движения.

Разгром восстания декабристов отозвался страшным ударом и в сердце их вдохновенного лева, в сердце Пушкина. Но это не сломило его веры в будущее, в безбрежное грядущее торжество «святой волюнтарности».

Противопоставляя Пушкина Байрону, Герцен метко сказал: «Пушкин знал все страдания цивилизованного человека, но у него была вера в будущее, которой человек Западе уже лишился».

В литературу Пушкин вошел знаменосцем русского революционного романтизма. Но он не остановился на этом. Стремясь преодолеть «юный жар и юный бред» отвлеченно-романтического отношения к действительности, он стал первым великим художником-реалистом XIX века.

Южные романтические поэмы Пушкина до недавнего времени упорно именовались «байроническими». Нет более ложного термина. Пушкин, как и все передовые его современники, одно время весьма увлекался вольнолюбивым творчеством романтика Байрона, в котором «краски романтизма сливались с красками политическими» — с враждебностью к реакционной политике Священного союза, с сочувствием европейским национально-освободительным движениям. Чтение Байрона, по словам Пушкина, «отзывалось» и его южные поэмы. Но если говорить о них, исходя не из чисто внешних, главным образом, формальных соображений, а из отношения их к творчеству Байрона по существу, то следовало бы заменить старый термин на прямо противоположный, и называть их антибайроническими поэмами.

Особенно очевидно это в отношении последних из романтических поэм Пушкина — его «Цыган».

«Цыгане» являются не только вполне во всех отношениях зрелым и глубоко самобытным произведением Пушкина, но и поэзией «новым словом» в истории литературы всемирной. Ставя и развивая традиционно-романтическую в ту пору проблему «культуры и природы», Пушкин вносит в ее интерпретацию нечто совершенно новое и небывалое — разблачивает русоцентристско-байроническую иллюзию о возможности для цивилизованного человека — представителя молодого поколения начала XIX века — вернуться назад к природе, на нетронутую просвещением и культурой первобытную почву.

Еще важное преодоление Пушкиным объясня того «гордого» героя-индивидуалиста, апофеоз которому во всеевропейском масштабе создал Байрон. «Священным правом» этого героя — самобытности по существу своему, «неблагословенного агониста», выше всего ставящего свою личность, же-

лашето воли лишь «для себя», Пушкин противопоставляет высшую правду подлинной свободы и истинной человечности человека из народа — старика-цыгана.

Почти за год до начала работы над «Цыганами», 9 мая 1823 г. — дата, которая должна быть записана золотыми буквами в летописях не только русской, но и мировой литературы, — Пушкин приступает к работе над «Евгением Онегиным».

Пушкин не только создал в своем романе подлинную «энциклопедию русской жизни» 20-х годов XIX века, но и с позиций «друга, брата, товарища» декабристов совершил строгий суд и вынес суровый приговор многим косным и реакционным явлениям тогдашней действительности.

Своим романом в стихах Пушкин создавал особый, в высокой степени своеобразный, русский тип реализма, в котором беспощадно-критическое отношение к действительности, к паразитарным формам жизни правящих классов, сочеталось со страстным стремлением к идеалу, к народности, с умением найти в самой жизни высокоположительные образы русских людей.

Образ, подобного образу Татьяны, не было создано во всей современной Пушкину да и последующей западноевропейской литературе. Близость Татьяны к национальной и народной почве является источником не только поэтической прелести всего ее облика, но и ее высоких моральных качеств. Стефан Шнейг справедливо замечает: «Для героев произведений Диккенса венки всех желаний — уютный коттедж среди зелени и толпа развешенных детских. Для героев романов Бальзака — замок, титул пара, миллионы».

Скромная провинциальная девушка, Татьяна достигает в конце романа всего, к чему стремятся герои Бальзака, — знатности, богатства, светских успехов.

Но для Татьяны это вполне благополучное и вместе с тем пустое и чуждое, светское существование — лишь «ветвь макарада».

«Евгений Онегин» явился первым произведением подлинно реалистическим произведением всей мировой литературы XIX века. Для сопоставления напомним, что первые признанные образцы западноевропейского классицистического реализма XIX века — реалистические романы Стендаля, который был старше Пушкина 16-ю годами, и повести Пушкина Бальзака появились только в начале 30-х годов, когда Пушкиным был не только полностью завершён весь его «Евгений Онегин», но и написаны «Борис Годунов», «Граф Нулин», «Домик в Коломне», «Повести Белкина».

Современная Пушкину, да и последующая низкоконъюнктурная критика неоднократно меридла его «роман в стихах» байроническим «Дон-Жуаном», считая его «спиритизмом» последним. Однако Пушкин имел полное право отклонить сближение с ним своего произведения по существу: «Ничто более меня не уважает Дон-Жуана (первые 5 песен, других не читал), но в нем ничего нет общего с Онегиным».

«Те, кто говорит, что поэма Пушкина «Онегин» есть «Дон-Жуан» русских нравов, — замечал Герцен, — не понимают ни Байрона, ни Пушкина, ни Англию, ни Россию: они судят по внешности».

В высшей степени характерен в этом отношении рассказ известного передового чешского писателя Густава Флгера-Моравски, очень увлекавшегося в начале своей литературной деятельности Байроном, о том, как в нем зародился замысел его стихотворного романа «Пан Вышинский»: «Однажды вечером я перечитывал Пушкина, именно его «Онегина». И вдруг у меня родилась мысль. Я понял, что мне нужно. Реальность, именно идеальная реальность, изображение предметов, событий, чувств и мыслей, такими, каковы они есть, только в своего рода возвышенном одеянии: вот что я понял вдруг. Раньше я замыслил написать что-либо в жанре «Чайльд-Гарольд». Теперь я выбросил из головы чешского Чайльда. В тот же вечер я безо всякого плана набросал две первые строфы «Вышинского».

Реальность, изображение предметов, событий, чувств и мыслей такими, каковы они есть, притом изображение в высшей степени поэтическое — вот то новое, небывалое, что нес западноевропейской литературе «Евгений Онегин» Пушкина.

Мы не сможем назвать другого великого писателя нового времени, который обладал бы таким совершенством художественной формы — ясностью, гармоничностью стройности композиции, необычайным художественным тактом, чувством меры, исключительной сжатостью выражения, отсутствием всего лишнего, всяческих ненужных украшений, малейшей риторика, и вместе с тем все это высочайшее свое мастерство обратил бы на изображение реальности, на создание поэзии действительности — словосочетание, в котором ударение надо ставить не только на слове

«действительность», но и на слове «поэзия».

Парадус «Евгением Онегиным», таким же глубоко национально-самобытным произведением Пушкина и в то же время первым подлинно реалистическим историко-художественным произведением всей мировой литературы является его трагедия «Борис Годунов».

В трагедии Пушкина, вопреки всем издавна установившимся традициям, нет главного «героя», главного действующего лица. Трагедия называется именем царя Бориса, но она не только не кончается его смертью (обстоятельство, которое привело в крайнее недоумение большинство критиков того времени), но царь фигурирует всего лишь в шести сценах из двадцати трех.

Пушкинский «Борис Годунов» является первым во всей мировой литературе образцом подлинной социально-исторической трагедии, в которой действуют не только и даже не столько отдельные личности, но где в движение приведены целые большие социально-исторические пласты, где рождаются судьбы народные.

То, что трагедия Пушкина завершается безомысленным, но ошутимым судом народа, то, что Пушкин выносит свой приговор историка именем судьи-народа, является самой замечательной чертой его исторической трагедии, которая действительно не только по своему своему совершенно новому драматургическому строю, но и по идейному своему содержанию может быть названа народной трагедией.

Пушкин создал замечательные образы людей из народа — от взвешенного за топор кузнеца Архипа из «Дубровского» до вожака крупнейшего крестьянского восстания Пугачева. На «Дубровском», на «Капитанской дочке» имеются следы неубедительной исторической, классовой ограниченности Пушкина, определяющей его политическую концепцию просвещенного дворянства. Тем поразительнее народные образы обоих этих произведений, абсолютное чуждые и каковы бы то ни было сентиментально-идиллической прикрасности и грубой натуралистичности, связанной с реакционными представлениями о народе как о дикой, зверской, разрушительной силе.

Пушкинское изображение людей из народа, в котором реалистическая правда сочетается с подлинным и глубоким сочувствием, является возникшим новым словом в развитии не только русской, но и всей мировой литературы.

Почти сейчас же после «Бориса Годунова» Пушкин пишет «Снегу из Фауста». При первой публикации она была озаглавлена «Новая сцена между Фаустом и Мефистофелем». Пушкин весьма высоко ценит «Фауста» Гёте, но «новой» его сцену он ценит не только потому, что такой сцене в гётевском «Фаусте» нет. Пушкин дает здесь и совсем новую трактовку самого образа Фауста. Если гётевский Фауст с его уходом из-под дуновениях средневековой схоластики, с его мучениями помыслами и стремлениями к новой жизни, к действительности, являлся собой дух возмущавшей западноевропейской буржуазии периода ее подъема, то пушкинский Фауст — суровый ст великого русского национального поэта над буржуазией победившей, пресытившейся, над эгоистической природой западноевропейской буржуазной индивидуализма, для которого чужие жизни — только материал для удовлетворения мимолетных прхотей.

Особенно выразителен финал «Снеги», заканчивающийся словами «Мне скучно, бес и заканчивающейся коротким призывом Фауста — ради исполнения мгновенной прихоти, мимолетного развлечения потопить показавшийся на горизонте большой трехмачтовый корабль, который является словно бы символом всей западноевропейской цивилизации».

В «Пяковой даме», «Скудном рыцаре» поставлена важная тема — страшная власть денег. Образ скупого рыцаря вырастает в зловещую «демониическую фигуру», своеобразное и страшное олицетворение грядущего капитализма.

Бесчеловечному миру торгашества и расчета, жажды личной власти и ничем неутолимой жажды золота, миру новых, буржуазных отношений, который так пышно стал заявлять себя на Западе уже в эпоху Пушкина, миру, лучшие люди которого утратили веру в будущее, противостоят светлый мир величайшего гуманиста и жизнелюба Пушкина — поэта, полного веры в грядущее, чернящего его из глубокого патриотизма, из тесной связи со своим великим народом.

Чем больше будет шириться и расти освободительное, подлинно демократическое движение на Западе, тем больше будет переломное человечество обращаться к творчеству величайшего в мире поэта действительности, поэта, в свой жестокий век восславившего свободу, поэта, послышавшего свой голос отдаленному — нашему — будущему, к нашему Пушкину.

Вечно юным называл сам Пушкин творения великих писателей. Вечная юность пушкинского творчества дается уже более века. Вечно юным, завоевывающим все большее признание, любовь и восторженное удивление всего мира будет оно оставаться в века!

Вместе с великим русским народом и другими народами СССР, вместе со странами народной демократии и всеми прогрессивными странами мира русский народ и другие народности, проживающие в границах Народной Республики Румынии, празднуют 150-летие со дня рождения гениала русской литературы — А. С. Пушкина.

В Румынской народной республике это празднование приняло подлинно массовый характер. На всех заводах, больших и малых, и в самых отдаленных деревнях читаются лекции о Пушкине. Портреты поэта можно увидеть повсюду. Пушкинские произведения, переведенные недавно на румынский язык, а в Трансильвании также и на венгерский язык, и изданные в десятках тысяч экземпляров, получили широкое распространение. Наши газеты и журналы — столичные и провинциальные — посвящали А. С. Пушкину специальные номера. Скоро выйдет в свет полное собрание сочинений А. С. Пушкина в хорошем переводе, доступном трудящимся массам города и деревни.

Румынский народ начал широко знакомиться с Пушкиным, читать его произведения, пользоваться этой сокровищницей мысли и поэтической красоты.

Но и раньше — это было время, когда Пушкин жил и писал, и позже, вплоть до революции 1848 года, — голос Пушкина, преодолевая все преграды, доходил до румынских читателей. Прогрессивные писатели этого времени, особенно в Молдавии, где русский язык в русская литература всегда пользовались большим распространением, читали произведения А. С. Пушкина и высоко их ценили. Они переводили пушкинские вольнолюбивые стихи и помещали их в журналах того времени.

Лето НОВОМЕСКИИ

Вечно живой

Пушкина называют светочем русской поэзии. Разрешите прибавить: он является светочем не только русской, но и мировой поэзии. Пуштин из Чехословакии, прибывший в Советский Союз на внешнее великодушное торжество в честь 100-летней годовщины со дня рождения гения русской литературы, должен почтительно преклониться перед памятью Пушкина еще и потому, что великий поэт прямо и непосредственно обогатил также и нашу поэзию, нашу мысль и наше свободное слово.

В первой половине прошлого столетия, когда Пушкин своим творчеством и деятельностью вдохновлял лучших людей России, в Словакии, принадлежавшей в то время Венгрии, плеяда деятелей освободительного движения, руководимая Людовитом Штуром, старалась создать литературный язык словацкого народа. Язык, на котором до того времени писали книги словацкие авторы, не являлся живым. Он был мало понятен народу. Это стремление приблизить книжный язык к живой народной речи было органически связано с антифеодалным революционным движением, которое достигло апогея в средней и западной Европе в 1848—1849 годах.

Творчество Пушкина имело огромное влияние на формирование словацкого литературного языка и на первые основные произведения, написанные на этом языке. Пушкин был не только читаемым и любимым поэтом, он был также и воодушевляющим, действительным учителем для наших писателей. Он научил их понимать, что язык народа, который стал новым литературным языком, означает не только изменение словаря писателя, он означает также и новое содержание, новые мысли.

Наиболее яркие произведения Андрея Сладковича, поэта того периода словацкой литературы, рождались под влиянием Пушкина. Пушкин учил Сладковича и его поэтических ровесников находить красоту и творческую силу народа, его культуру. И прямо из произведений Пушкина плеяда деятелей освободительного движения внесла в словацкую словесность тот принцип гуманизма, который является основой нашего литературного развития.

Мало сказали бы мы о значении Пушкина для нашей литературы, если бы упомянули только о влиянии, которое он имел на штуровское поколение и прежде всего на Сладковича. Не было в нашей литературе прошлого столетия периода, когда бы писатели не возвращались к творчеству Пушкина, как к постоянно живому источнику поэтического и идейного вдохновения. И не было сколько-нибудь значительного поэта в словачском развитии словацкой литературы, которого не очаровала бы пушкинская поэзия.

Полезно от непрерывного общения нашей поэзии с наследием Пушкина безгранично и для литературы и для культурного развития народа. И можно сказать, что именно это общение имеет первостепенное значение для сохранения чистоты и дальнейшего развития нашего литературного языка. Для того чтобы переводить Пушкина, необходимо обращаться к сокровищнице народного языка, применять ее богатства!

Благоприятное влияние А. С. Пушкина оказало также на углубление и расширение нашего словацкого самосознания. Пушкин дал нам идеи дружбы и братства словацких народов. Он приблизил к нам Россию, на которой, естественно, прежде всего сосредоточивался интерес словацки. Он конкретизировал его, сделал его ясным и непосредственным. В этом его великая заслуга.

Мало кто из поэтов имеет такое право называться бессмертным, как Пушкин. Он жив — мы это видим постоянно, не только потому, что его произведения не перестают читаться, но и по исключительной впечатлительности, я бы сказал, действительности его творчества.

Возвращаясь к тем же памяти великого Пушкина. За его гениальные творения. За его заслуги в нашей истории. За его вечно живую современность.

Захария СТАНКУ

Один из них, баснописец Александр Дючис издал в 1837 году в румынском переводе поэму «Цыган», которая была напечатана в типографии Элиада в Бухаресте. Книга эта, отпечатанная славянским шрифтом, с интересом читается современниками и в старых библиотеках Румынии занимала почетное место. Эта поэма, а также стихотворение «Черная шаль» переведены потом на румынский язык много раз.

Считаем нужным отметить здесь и другой факт. Некоторые писатели, как, например, А. Дючис, Е. Стамати, Константин Петручи и другие, повидимому, лично были знакомы с Пушкиным в 1820—1821 годах, когда он находился в кипишевской ссылке. И это знакомство не прошло для них без следа.

Семена революции, прогресса были занесены к нам, в румынские княжества, не только с Запада, но и с Востока. Прежде чем познакомиться с прогрессивной литературой Запада, в Молдавии учились языку русскому, читали русскую прогрессивную литературу. Революционные мотивы, которые слышались в румынской литературе первой половины XIX века, — встречались мы их у названных выше молдавских писателей или у писателей валашских, таких, как Чезар Болж и другие, — не имеют ничего общего с тематикой тогдашней литературы Запада. Напротив, эти мотивы были навеяны непосредственно произведениями А. С. Пушкина.

Лучшие образцы румынской литературы до революции 1848 года, то-есть, та прогрессивная литература, от которой тя-

нуется нити к нашей современной литературе, родилась и развивалась под влиянием русской прогрессивной литературы, под влиянием пламенной поэзии А. С. Пушкина.

Революция 1848 года в румынских княжествах была предана. Власть захватили буржуазия и помещики, которые начали жестоко угнетать народ и душить все передовые идеи того времени. Прогрессивная литература не могла свободно развиваться. Гогенцоллерновская монархия изо всех сил старалась добиться того, чтобы люди в нашей стране повернули свои взоры на Запад, в западную буржуазную культуру, хотя она и не имела никаких связей с нашей действительностью. Связь о русской прогрессивной литературой ослабла, но не порвалась. Иногда, от случая к случаю, снова переводили А. С. Пушкина. Позднее Румыния ознакомилась, отчасти по французским переводам, с творчеством Льва Толстого и Ивана Тургенева, а также с Лермонтовым и Чернышевским, Гоголем, Чеховым и Максимом Горьким.

Освобождение нашей страны славной Советской Армией, руководимая роль Румынской рабочей партии в области культуры и литературы привела к тому, что русская классическая литература и советская литература стали доступными теперь широким массам нашего народа так же, как наша собственная литература.

То влияние, которое оказал А. С. Пушкин на нашу старую литературу, продолжает испытывать и современная литература Румынии. Наша литература учится у Пушкина так же, как она учится у Максима Горького и у той богатшей плеяды советских писателей, которые являются гордостью народов СССР и гордостью всего трудящегося человечества.

Поль РОБСОН

РОДНИК ВДОХНОВЕНИЯ

Пушкин — это не только солнце русской поэзии, но и мировой литературы. Знакомство с его творчеством приносит истинное наслаждение каждому, а для меня, артиста и певца, его произведения всегда были родником вдохновения.

Имя Пушкина я узнал давно. В моем парде очень велик интерес к гениальному русскому поэту. Непр профессор Дюбуа, долго изучавший творчество Пушкина, вынул книгу о нем.

Интерес к Советскому Союзу и к русской культуре побудил меня давно, еще в дни первого приезда в СССР, начать изучение русского языка. Первой прочитанной мною книгой на русском языке был томик стихов Пушкина.

Сейчас в Москве, вновь перечитывая вдохновенные строки творений любимого поэта, я вспоминаю, какое неслабое удовольствие доставляли мне всегда поэмы «Медный всадник», «Углан и Людмила», восхитительные сказки, роман в стихах «Евгений Онегин», трагедия «Борис Годунов», «Камешный гость». А сколько прелести в маленьких его стихах!

Я знаю наизусть по-русски стихотворе-

ние «...Вновь я посетил», в котором Пушкин рассказывает о поездке в Михайловское. Я всегда вспоминаю пушкинские строки, приехав на юг Америки, где жили мои предки, где часто бываю я. Там я всегда повторяю слова поэта: «Здравствуй, племя, малое, незнакомое! Не я увижу, твой могучий подвиги возраст...»

Я верю, что очень скоро «младое племя» увидит настоящее счастье всего человечества, о котором так мечтал Пушкин. За это я борюсь каждый день и как общественный деятель и как артист.

Я исполняю романсы русских композиторов на слова Пушкина. Я люблю арию Бориса из оперы «Борис Годунов» Мусоргского, композитора особенно мне близкого.

Паденство, что мне, в конце концов, удастся осуществить давнюю мечту — воплотить образ Бориса на оперной сцене.

Вскоре я попрошусь в Москву, где родился гениальный поэт.

В Америке я расскажу простым людям и товарищам по борьбе за мир и демократию о своих московских впечатлениях, о том, как торжественно и с какой благодарной гордостью праздновался в СССР юбилей великого поэта.

Джек ЛИНДСЕЙ

ВЛАСТИТЕЛЬ ДУМ

Пушкин и Горький. Я давно уже осознавал, что эти два гениальных человека сыграли огромную роль в развитии русской литературы. Один является основателем национальной русской литературы, второй — основоположником новой советской литературы. Каждый из этих двух величайших писателей глубоко народен, и именно это, думается мне, и связывает их.

Как английский писатель, я особенно интересовался взаимосвязью между Пушкиным и английской литературой, в особенности — Байроном и Вальтером Скоттом. И я понял, что, как ни велико было уважение Пушкина к этим писателям, он всегда оставался глубоко самобытным русским поэтом.

Пушкин — один из гигантских творцов мировой литературы. Он принадлежит к тем гениям, которые навсегда запечатлели чувства народа.

Буржуазия способна лишь оползать и оквернять чистые, гуманные идеи таких людей, как Пушкин.

Советский Союз неустанно заботится о том, чтобы произведения классиков литературы стали достоянием народа. Советские люди показали, что существует тесная связь между гуманизмом классиков и

правдой социализма. Только в условиях социализма полностью раскрывается истинный смысл классических произведений. Советская страна чтит память великих творцов прошлого, которые могли лишь мечтать о превращении в жизнь идеалов гуманности и свободы. Люди страны социализма любят их, как своих истинных друзей, считая их плоть от плоти своей.

Я люблю и ценю Пушкина, так как он является одним из тех великих художников, которые имеют не только национальное, но и общечеловечное значение, и которые обладают чувством глубокой любви к истине и к человечеству.

Я ценю Пушкина за то, что он был основателем великой русской литературы, которая дала миру таких замечательных писателей, как Гоголь и Толстой, Белинский и Чернышевский. Великий поэт гениально отразил взаимосвязь между искусством и борьбой за свободу.

Он показал, что победа в искусстве возможна лишь тогда, когда писатель неразрывно связан с народом.

В лице Пушкина и Горького я люблю и ценю великих писателей дум, указывающих верный путь к освобождению человека и культуры.

Л. КИШКИН

Ярчайшая звезда на небе славянской поэзии

«Русские идут вперед так, что сердце радуется. На-днях были здесь из Петербурга два доктора, рассказывали нам удивительные известия о молодом Пушкине, который обращает на себя внимание новейшим произведением «Бахчисарайский фонтан». 5000 экземпляров разошлись в один год. О, если бы и здесь у нас можно было его получить!»

Так писал в 1825 году один из крупнейших деятелей чешского возрождения поэт и филолог Франтишек Ладислав Челаковский своему другу поэту Камариту.

Уже тогда 26-летний Пушкин все более завладевал мыслями и думами прогрессивной интеллигенции Чехословакии, вызывая в ней стремление донести до народа имя и слово великого поэта. В 1826 году в труде Шафарика «История славянских языков и литературы» чехословацкие читатели впервые прочитали печатное слово о Пушкине. А еще через четыре года они получили возможность прочитать на родном языке в журнале «Чехомав» и первое произведение поэта «Цыган», переведенное прозой Яном Славимиром Томичем. Ему же принадлежит перевод прозой «Борис Годунов», выпеченного в отрывках журналом «Цветы» в 1935 году.

Но особенно прославилась переводом про-

изведений А. С. Пушкина Франтишек Ладислав Челаковский. В «Журнале чешского музея» за 1833 и 1837 годы он опубликовал переводы «Дух воронов», «Дома-баша», «Зимнего вечера», «Угусар» и другие.

С каждым годом чехословацкая общественность получала возможность читать все новые и новые произведения Пушкина. Их переводили лучшие чешские и словацкие мастера слова, донесли до читателей массе все произведения бессмертного певца свободы, «первую ярчайшую звезду на небе славянской поэзии», как говорили об Александре Сергеевиче чехословацкие «будители» — деятели чешского возрождения. Известно, что в 1937 году одна только Чехия имела 175 изданий отдельных книжечек оригинальных переводов Пушкина.

По количеству пушкинских переводов Чехословакия стоит на одном из первых мест в мире. «Пушкина мы не только знали и знаем, — говорит крупнейший деятель современной чехословацкой культуры профессор Зденек Неудля, — но его глубоко влияние проникло, врезалось в нашу литературу, в искусство, и мы его ощущаем как непосредственную часть нашей культуры».

Сергей СМЕРНОВ

БОЛДИНСКАЯ ВЕСНА

Весенним солнцем Болдино согрето. Старинный дом. Плотины да пруды. Деревья —

современники поэта — в широкий круг собрались у воды.

Построились акации стеною. Садовники владычества тут.

Отмахиваясь вежливо от зноя, На крепких ножках яблоны цветут.

Увидишь парк, скамью и зелен поля, И словно ждешь ответа на вопрос: Не здесь ли Пушкин?

Это не его ли Знакомый плащ мелькнул среди берез?

Вот лиственица. Давнее предание Гласит о том, что Пушкин ей знаком; Ну, почему ты, хвойное создание, Владешь непонятным языком?

Стоит служебный флигель одиноко. Здесь жил поэт.

На месте мебель вся, Не он ли распахнул одно из окон, До поздней ночи света не гася?

И кажется, что шуму здесь не место. Но вдруг сюда влетая издадека Скороговорка трактора

совместно С хозяйственным гуаком грузовика.

Или над птичьим беззастенчивым свистом Промчится ровный двухмоторный гром И самолет, от солнца серебристый, За черезымным скрется бугром.

Сам Пушкин — на высоком пьедестале, —

Он головою торжественно поник, На нем тулуп из камня цвета стали, А за спиной, как крылья, воротник.

Спокойный взгляд. Похожа новосела.

На лбу лежит раздумный светлый след. И ветер современности веселой С него сдувает

пыль минувших лет.

Свободы

Вся страна празднует юбилей любимого поэта

Б. ЧИРСКОВ, В. КОЧЕТОВ

НА БЕРЕГАХ НЕВЫ

Перед Русским музеем, в центре сквера, обрамленного старыми тешными деревьями, Ленинградцы заботливо помнят памятник бессмертному поэту. Здесь, на площади Конституции, будет стоять он по высочайшему праву, — беспримерно широко охватил пушкинский гений своим участием, своим могучим воздействием все наше искусство.

Взвеш от будущего памятника — театр оперы. Разве не в гласе народной поэзии «Русалка и Людмила», как чудное эхо, откликнувшись заново русской напольной классической музыки ее зачателем Глинки? Разве не в «Русалке», не в «Камешном госте» искал Даргомыжский новый музыкальный язык, выразительный и гениальный, как язык Пушкина?

Пушкинскую мудрость и глубину проникновения в родную историю, в характер народа почувствовал и выводит Мусоргский в народной опере «Борис Годунов». В «Огнем», в «Шкотовой» в лирических строках поэта черпал Чайковский правдивое, простое, сердечное выражение душевной красоты русского человека.

И разве вот здесь, направо, в Филармонии, в этом доме музыки, с новой силой не льется широким потоком пушкинская поэзия, вдохновившая наших музыкантов?

Рабочие ленинградских заводов и фабрик, деятели науки, литературы, искусства, пришедшие на закладку памятника, обращали свои взоры то к театру, то к Филармонии, то, наконец, к национальной сокровищнице живописи — к Русскому музею. Там, в светлых высоких залах, Пушкин живет в полотнах Третьякова, Кипренского, Брюллова, Айвазовского...

Нет, не бронзовым монументом будет стоять на прекрасной площади наш Пушкин, а живым средоточием русского искусства.

Но как бы ни была просторна и солонча эта площадь, обремененная дворцами живого искусства, она для Пушкина тесна. Пушкин — в народе! Нерасторжимо связан он с судьбой своего народа, с его славным прошлым, с его борьбой, с его творческим трудом.

И торжество приобрело всенародный характер.

Всюду звучали пушкинские стихи, пушкинские вещи слова. — в клубах, домах культуры, красных уголках, цехах заводов, актовых залах школ. Полторы тысячи маленьких ленинградцев пришли на общий сбор во Дворец пионеров побеседовать о том, за что они любят и славят человека, который дал им такие волнующие сказки, такие певучие строки, такие благородные образы русских людей. В университете, где занимаются студенты многих национальностей, на выставке, посвященной поэту, начертаны слова Джамбула:

Читаю тебя с упоением в глазах Башкир и туркмен, белорус и казах.

В Публичной библиотеке за длинным столом, листая странички книг, двадцатидвухлетний конструктор Грудинкин делал выписки для статьи о Пушкине, которую ему заказала заводская многотиражка. В музее — последняя квартира поэта на Мойке — девушка из Вильнюса крупицами буквами старательно выводила в книге отрывок фразы: «И уже научилась читать и писать по-русски». Сельскохозяйственные студенты в этих словах, гордости за то, что она, литовская девушка, приобретает к могучему языку великого поэта, великого для всех народов.

С благоговением шли люди по комнатам музея-квартиры. Шли и шли. Многие долго прощались возле вещей, принадлежавших Пушкину. И в самом деле, как не задержаться у стола, на котором лежит густое перо, раскрытые книги, тронутые рукой поэта в канун дуэли? Как не растерять перед часами, остановившимися Жуковский в скорбную минуту?

Но не скорбь оставил своему народу наш великий поэт, а оптимизм и радость. Оптимизм, жизнеутверждением было насыщено и празднество в нашем городе.

Вечером в высоком зале Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова состоялось торжественное общегородское заседание. Здесь выступили и академики Мединин, и поэт Профоров, и артист Черкас, и школьница Ростова, и слесарь Московкин.

Спасать И. Московкин еще в детстве полюбил пушкинское слово. Потом, на заводе, ему предложили однажды сделать доклад о драматургии Пушкина. Московкин подготовил столь основательно, что его приняли в Пушкинское общество. На торжественном заседании он выступил с глубокой по содержанию речью.

...Мы ехали по широкой ленте обсаженного молодыми ясенями асфальтового шоссе в город Пушкин, куда перенеслось торжество. Мы видели с Пулковских высот равнину, по которой, отделив город Пушкин от Ленинграда, проходила когда-то линия тех оборон.

Память тех, кто стоял здесь в обороне

и готовился к решительным боям, сохранила слова бойца Абдурахманова, который говорил: «Я родился в далеком Узбекистане, но город Пушкин мне так же дорог, как и мой Юканд. Он мне дорог тем, что здесь работал великий поэт, в далекие-далекие времена воспевавший дружбу народов».

Со всей страной плечом к плечу стоял великий Ленинград в гину тяжких испытаний, и ныне он вновь в шеренге славных городов нашей Родины, попрежнему могучий и красивый, а вместе с ним и город Пушкин, поднятый народом из руин.

Мы ехали в этот заловедник через чужбину Египетские ворота, мимо памятника поэту. Поэт оперся о невинный парапет, он как бы встречает приезжающих. И дальше, на каждом шагу вы ощущаете, что это именно так, что Пушкин здесь поистине везде и всюду. За памятником восток — дом Китаевой, где жил поэт, где создавалась «Сказка о царе Салтане». Западнее — дом учителя музыки и танца Титшера, где веселились друзья поэта. Рядом с ним — дом его директора Ангельгарда. А вот и сам лицей, вот Александровский дворец, Екатерининский парк и пруды, те места, где являлась стала муза юному лиристу.

Сегодня здесь людно, очень людно. Оживленные группы людей, вереницы машин. Только что закончилось юбилейное заседание президиума Академии наук СССР. Оно происходило в Актовом зале лицея, в том историческом зале, где восьмого (20) января 1815 года впервые беседуя своими лучшими русскими поэзии.

Сто долгих лет, обезобразный был скрыт от глаз народа этот чудесный зал. Судьба его символична. Но так ли долгие годы был скрыт от народа истинный Пушкин? Творения поэта наш народ освободил от «хрестоматийного глянца» давно, — с зала лицея только сегодня сняты вековая пыль и наносный хлам. Четыре белых колонны поддерживают невысокий свод, меж двумя из них длинный, покрытый красным сукном стол, простоявшие люстры, сверкающий паркет. Все так, как было в дни Пушкина, как создавал талантливый русский зодчий Стасов, все так, как изобразил Репин на знаменитом полотне. Одна «деталь» изменилась: лет портрета царя, есть портрет Пушкина.

Вот восстановленный Александровский дворец. Сегодня здесь между посетителями поном бронзовыми фигурами дискоболы и юноши, играющего в сэйку, торжественно перерезала ленточка — открыт вход в Центральный пушкинский музей.

Академики, писатели, рабочие, деятели искусства, гости со всех концов страны, гости из-за рубежа наполнили громадные залы. Поэт, его современники, его эпоха предстают перед нами в акварелях, в полотнах, писанных маслом, в керамических набросках, и мраморе и бронзе. Представлены персонажи пушкинских творений; разложены в витринах автографы и рукописи. На зеленом возвышении — стол из Болдина, стол, за которым создавались «Повести Белкина», «Маленькие трагедии». В шкафах — книги из личной библиотеки поэта.

В центральных залах — Пушкин, вошедший в наши дни, в наше советское искусство. «И люблю вас, но живого, а не мумию», — говорит здесь Малковский. И Пушкин здесь живой. Он живет в творчестве туркменских ковровщиц, выткавших портрет поэта. Он живет в тонкой белой визе вологодских кружевниц, в ярких красках паленца. В рисунках племянника молодого — советских школьниц, в работах советских мастеров живописи, валяния, графика.

Вновь машины бегут по пригородному асфальту. Вновь бронзовый Пушкин возле Египетских ворот. В дни боев о Юденичм бровью памятника пробива шальная пуля, в дни Отечественной войны ее жаренный пули гитлеровских парашютов. Но теперь она вновь ясна и солнечна, любовные руки ленинградских колхозников вернули ей первоначальный вид.

Над нерскими берегами, над притихшими волнами рек и каналов заплыло не угасает зори. Проходит по набережным, по Сенатской площади молодые люди, трогая нагретый за день камень скалы «Медного всадника», тискают на чужбину скамьях, на которых такими же безымянными сидели поэты, — и счастливы, счастливы счастьем своей страны.

Мишуза неделя от начала пушкинских торжеств, но праздник в Ленинграде продолжается. На короткое время скрывается солнце в водах Финского залива, затем снова встает, умытое, ясное, и в новый день встает город индустрии, науки, культуры, в котором жил, творил наш светлый Пушкин.

ЛЕНИНГРАД, 10 июня.

Торжество социалистической культуры

С. СКЛЯРЕНКО

Дни пушкинского юбилея стали на Украине ярким праздником, торжеством советской социалистической культуры.

В городах и селах республики в эти дни проходят литературные вечера, лекции, доклады, театры ставят пушкинские спектакли и концерты.

В высших учебных заведениях состоялись юбилейные научные сессии. Академия наук УССР вместе с Союзом писателей провела большое торжественное собрание, посвященное знаменательному юбилею.

Как большой праздник советской культуры, прошли юбилейные торжества в селе Камонка. Здесь, на берегу реки Тясмин, сохранился еще «зеленый домик», в котором подолгу жил Пушкин, когда приехал в гости к своему другу декабристу Давыдову.

На днях в Камонку приехали члены Республиканского юбилейного комитета, писатели, композиторы, артисты. Тысячи колхозников собрались сюда, чтобы почтить память гениального поэта.

В Киеве в Государственном музее русского искусства открылась республиканская художественная выставка, посвященная 150-летию со дня рождения Пушкина. Особенно широко на выставке представлен отел «Пушкин и Украина», показывающий связь великого поэта с украинским народом, отражающий нерушимую дружбу братьев русского и украинского народов.

6 июня в театре оперы и балета состоялось торжественное заседание. Сюда собрались ученые, писатели, художники, представители партийных и советских организаций, стахановцы заводов и колхозников.

Вотупительную речь на заседании прочитал председатель президиума Академии наук УССР А. С. Пушкин — великий русский национальный поэт. После доклада выступили поэты Н. Байзан, В. Сосяра, А. Малышко, Л. Первомайский, Л. Дмитренко, Н. Ушаков, Н. Терещенко. Они прочитали свои стихи, посвященные Пушкину, и переводы произведений великого поэта.

КИЕВ

Амаяк СИРАС

Бережно храним память о нем

Есть имена, которые бережно хранятся в памяти народной, которые не суждено поблекнуть никогда. Таково имя Пушкина.

Вся наша необъятная Родина, все честные люди мира отметили столетие со дня рождения великого русского поэта. Народ Советской Армении земью поклялся русскому народу, дающему на радость человечества гений Пушкина. Пушкинский юбилей вылился в большой праздник социалистической культуры.

В городах и селах, в учебных заведениях и новостройках Советской Армении чествовали титана русской и мировой литературы.

На вершине Баобабского (ныне Пушкинского) перевала, где памятник-родник увековечил место встречи Пушкина с телом Грибоедова, собрался молодежь Степанаванского района. Звучат пламенные пушкинские стихи, которые читают, смеясь друг друга, школьники и колхозники, читают на армянском и русском языках.

А в нескольких километрах отсюда, в деревне Гергеры, которую великий поэт посетил сто двадцать лет назад, в колхозном клубе открылась юбилейная выставка, посвященная Пушкину.

Стахановцы Севанстроя спешат в команду охоты. Репродукторы доносят сюда голос родной России. Работе внимательно вослушиваются в слова доклада Копстанкина Симонова, рассказывающего о великом жисте патриота и друга человечества — Пушкина.

Празднично украшены витрины книжных магазинов столицы Советской Армении — Еревана. Здесь выставлены новые издания сочинений Пушкина.

«Евгений Онегин», впервые полностью переведенный на армянский язык. Вот одиотомик Пушкина; с обложки книги смотрит на читателя вдохновенное лицо поэта. Вот сборник его стихов...

Вечером 6 июня артепальный зал Ереванского государственного театра оперы и балета имени Спендиарова был переполнен. На торжественное заседание пришли лучшие люди нашей республики — рабочие и колхозники, воины и студенты, писатели и ученые, партийные и советские работники. В глубине сцены — большой портрет Пушкина, окаяменный лавровым ветвями.

В едином порыве собравшиеся приветствуют предложение поэта Маври Заряна об избрании в почетный президиум Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с великим вождем товарищем Сталиным. Вызволнованную речь о Пушкине произнес старейший армянский поэт, лауреат Сталинской премии Аветик Исаян. Он говорил о величии пушкинских творений, об их вечной живости, о вечной действительной силе. Доктор филологических наук проф. Русет Огансян в своем докладе охарактеризовал жизненный и творческий путь Пушкина.

Празднование юбилея Пушкина явилось еще одним свидетельством глубокой любви армянского народа к русскому народу — народу-создателю, народу-борцу, народу-освободителю.

ЕРЕВАН

Вечера, собрания, лекции

В городах, селах, на оадавленных промышленных, на нефтезаводах, на высокогорных вышках Азербайджана проводятся пушкинские вечера, собрания, лекции.

Два дня продолжалось объединенное заседание Академии наук республики и Союза писателей Азербайджана, посвященное 150-летию со дня рождения гениального русского поэта. О благотворном влиянии русской литературы и творчества Пушкина на формирование мировоззрения лучших прогрессивных людей азербайджанского народа говорил действительный член Академии наук Азербайджанской ССР Гейдар Гусейнов.

На заседании выступили профессор А. Султанлы, критик Мамед Ариф, писатель Мехти Гусейн.

К юбилею вышли из печати первые два тома полного собрания сочинений Пушкина на азербайджанском языке. Изданы также «Евгений Онегин» в переводе Са-

мие председатель республиканского юбилейного комитета А. Корнейчук.

— Все народы могучего Советского Союза, — сказал он, — свято чтут память великого Пушкина. За заросла народная тропа к перукторному памятнику поэта-титана. Она становится все шире, все величественнее. Сегодня имя Пушкина называет в нашей стране «всак сущий в ней язык». На всех языках братских советских народов звучат бессмертные стихи гениального поэта.

— От всей души, — говорит далее А. Корнейчук, — приветствуем мы братский русский народ, родинный такого выдающегося сына, оадуотворивший своего гениального певца могучей силой поэтического выражения дум, надежд и чаяний народных. Слова и почет нашему старшему брату — великому русскому народу, из недр которого вышел и которому полностью отдал свой могучий талант великий Пушкин.

Под бурные, долго несомлавающие аплодисменты, переходящие в овацию, участники торжественного заседания избирают в почетный президиум Политбюро ЦК ВКП(б) и Политбюро ЦК КП(б)У, а почетным председателем — великого вождя советского народа И. В. Сталина.

С большим вниманием был выслушан присутствующими доклад действительного члена Академии наук Украинской ССР А. Беленченко «А. С. Пушкин — великий русский национальный поэт». После доклада выступили поэты Н. Байзан, В. Сосяра, А. Малышко, Л. Первомайский, Л. Дмитренко, Н. Ушаков, Н. Терещенко. Они прочитали свои стихи, посвященные Пушкину, и переводы произведений великого поэта.

КИЕВ

Народ отвечает презренным предателю. Презрением и ненавистью. Люди отворачиваются от Лиедага, никто не подает ему руку, никто не разговаривает с ним.

Анна Саксе. Рассказы. Латгосиздат, 1948 278 стр.

Народ отвечает презренным предателю. Презрением и ненавистью. Люди отворачиваются от Лиедага, никто не подает ему руку, никто не разговаривает с ним.

Анна Саксе. Рассказы. Латгосиздат, 1948 278 стр.

ПУТЬ НАРОДА

А. ШАРОВ

Книга открывается правдивым рассказом «Непрожитая жизнь». В темном мире буржуазной Латвии живет семья старожилы начальная школы маленького городка. Отец мечтает построить собственный домик и дать дочери образование. Но нужда каила за каней вытягивает силы. Мать копчает самоубийством, повесившись на чердаке недостроенного дома, отец от горя и непосильного труда сходит с ума, а дочь, выйдя из гимназии, не может найти работы.

«Непрожитая жизнь» — не просто одна из тысяч историй о людях, раздавленных режимом социального неравенства. Вера в народ проникнуто творчеством Анны Саксе. Отец и мать гибнут, почти не сопротивляясь, обреченные, идут они к своему концу. Дочь найдет другую дорогу. Коммунист Брицис раскрывает ей глаза на то, как надо бороться за жизнь. На помощь народу Латвии приходит Советская Россия. Горячим светом свободы озарены последние страницы рассказа:

«Наконец, настал день — теплый июньский день, когда из всех мастерских и фабрик, из тесных квартир, подвалов и чердаков на улицы хлынула огромная толпа трудовых муравьев. С высоко поднятыми, наскоро сделанными красными знаменами и плакатами мы двинулись к уездной тюрьме, мощно и радостно звучала наша песня».

В 1940 году был свергнут режим Ульманиса, уничтожены враги латвийского народа. И этим же годом датирован рассказ.

Анна Саксе не только рассказывает о борьбе. Страстно и горячо, всем сердцем и талантом она участвует в ней.

Новая жизнь завоевана, и всякий, кто посягнет на нее, должен быть разоблачен, уничтожен. Так народ уничтожает предателя Лиедага (рассказ «Мирный обаятель»). В годы войны, когда Латвия была временно оккупирована немцами, Лиедаг — человек без родины и идеалов — становится убийцей, обогрившим свои руки кровью народа.

Народ отвечает презренным предателю. Презрением и ненавистью. Люди отворачиваются от Лиедага, никто не подает ему руку, никто не разговаривает с ним.

Анна Саксе. Рассказы. Латгосиздат, 1948 278 стр.

Народ отвечает презренным предателю. Презрением и ненавистью. Люди отворачиваются от Лиедага, никто не подает ему руку, никто не разговаривает с ним.

Анна Саксе. Рассказы. Латгосиздат, 1948 278 стр.

Народ отвечает презренным предателю. Презрением и ненавистью. Люди отворачиваются от Лиедага, никто не подает ему руку, никто не разговаривает с ним.

Анна Саксе. Рассказы. Латгосиздат, 1948 278 стр.

Народ отвечает презренным предателю. Презрением и ненавистью. Люди отворачиваются от Лиедага, никто не подает ему руку, никто не разговаривает с ним.

Анна Саксе. Рассказы. Латгосиздат, 1948 278 стр.

Народ отвечает презренным предателю. Презрением и ненавистью. Люди отворачиваются от Лиедага, никто не подает ему руку, никто не разговаривает с ним.

Анна Саксе. Рассказы. Латгосиздат, 1948 278 стр.

Народ отвечает презренным предателю. Презрением и ненавистью. Люди отворачиваются от Лиедага, никто не подает ему руку, никто не разговаривает с ним.

Анна Саксе. Рассказы. Латгосиздат, 1948 278 стр.

Народ отвечает презренным предателю. Презрением и ненавистью. Люди отворачиваются от Лиедага, никто не подает ему руку, никто не разговаривает с ним.

Анна Саксе. Рассказы. Латгосиздат, 1948 278 стр.

Народ отвечает презренным предателю. Презрением и ненавистью. Люди отворачиваются от Лиедага, никто не подает ему руку, никто не разговаривает с ним.

Анна Саксе. Рассказы. Латгосиздат, 1948 278 стр.

Народ отвечает презренным предателю. Презрением и ненавистью. Люди отворачиваются от Лиедага, никто не подает ему руку, никто не разговаривает с ним.

Анна Саксе. Рассказы. Латгосиздат, 1948 278 стр.

Народ отвечает презренным предателю. Презрением и ненавистью. Люди отворачиваются от Лиедага, никто не подает ему руку, никто не разговаривает с ним.

Анна Саксе. Рассказы. Латгосиздат, 1948 278 стр.

Народ отвечает презренным предателю. Презрением и ненавистью. Люди отворачиваются от Лиедага, никто не подает ему руку, никто не разговаривает с ним.

Анна Саксе. Рассказы. Латгосиздат, 1948 278 стр.

Народ отвечает презренным предателю. Презрением и ненавистью. Люди отворачиваются от Лиедага, никто не подает ему руку, никто не разговаривает с ним.

Анна Саксе. Рассказы. Латгосиздат, 1948 278 стр.

Невидимый мститель бросает убиение в окошко заниску: «Смерть предателю!»

Народ непреложно в своем стремлении к победе. И Анна Саксе рассказывает о героях, которых выдвинул он в борьбе с фашизмом. Девушка Майя из рассказа «Шауки» кажется, что она не сможет подлечь руку на человека, кто бы он ни был. Но месяцы оккупации открыли ей глаза на многое. Теперь она понимает, что фашист — это не человек, и находит в себе силы уничтожить врагов. Славная немцами, обреченная на казнь, Майя думает:

«...Через несколько мгновений не останется ничего. Пичего. Так ли?»

Нет. Останется борьба и жизнь. «Нас много!» — эта фраза когда-то всегда в нас силы для борьбы. И отряды борются ради жизни. Человеческое победит!».

На маленьком мирке «непрожитой жизни» в великом советский мир — таким путем идут герои Анны Саксе. Из рассказа в рассказ ярче свет, шире горизонты людей, человечнее — побеждает. Вот рассказы «Возвращение в жизнь». Искаленные войны люди лежат в палате для тяжело раненных. Я — «человеческий блок», бесподобный, никому не пужный. — думает Андрей Витол, потерявший в боях обе руки. Но и здесь, в госпитале, черзает огромное человеческое горе прокладывает себе путь советское жизнеутверждающее мироощущение. Андрей Витол уходит у товарищ по палате, советских людей — русских, казаков, узбеков — чувствую себя не одиночкой, а частью народа, бороться за жизнь, пока можем приносить радость народу, страстно, по-советски любить жизнь. Только перед силой творчества, волею к творчеству отступают страдания. «Завести достойны те, кому удастся увидеть и самим не пережить лихорадку гигантского строительства, которое начнется после войны», — думает Андрей Витол. — Люди, словно изголодавшиеся по созидательному труду, будут строить новые жилища, скачущие дворцы культуры; новые сады вырастут на месте взуродованных, обгоревших деревьев».

Рассказы Анны Саксе помогают нам глубже понять и почувствовать, какой огромный путь прошел латвийский народ с тех пор, как в 1940 году обидела советская власть. Путь от непрожитой жизни к жизни советской.

Рассказы Анны Саксе помогают нам глубже понять и почувствовать, какой огромный путь прошел латвийский народ с тех пор, как в 1940 году обидела советская власть. Путь от непрожитой жизни к жизни советской.

Рассказы Анны Саксе помогают нам глубже понять и почувствовать, какой огромный путь прошел латвийский народ с тех пор, как в 1940 году обидела советская власть. Путь от непрожитой жизни к жизни советской.

Рассказы Анны Саксе помогают нам глубже понять и почувствовать, какой огромный путь прошел латвийский народ с тех пор, как в 1940 году обидела советская власть. Путь от непрожитой жизни к жизни советской.

Рассказы Анны Саксе помогают нам глубже понять и почувствовать, какой огромный путь прошел латвийский народ с тех пор, как в 1940 году обидела советская власть. Путь от непрожитой жизни к жизни советской.

Рассказы Анны Саксе помогают нам глубже понять и почувствовать, какой огромный путь прошел латвийский народ с тех пор, как в 1940 году обидела советская власть. Путь от непрожитой жизни к жизни советской.

Рассказы Анны Саксе помогают нам глубже понять и почувствовать, какой огромный путь прошел латвийский народ с тех пор, как в 1940 году обидела советская власть. Путь от непрожитой жизни к жизни советской.

Рассказы Анны Саксе помогают нам глубже понять и почувствовать, какой огромный путь прошел латвийский народ с тех пор, как в 1940 году обидела советская власть. Путь от непрожитой жизни к жизни советской.

Рассказы Анны Саксе помогают нам глубже понять и почувствовать, какой огромный путь прошел латвийский народ с тех пор, как в 1940 году обидела советская власть. Путь от непрожитой жизни к жизни советской.

Рассказы Анны Саксе помогают нам глубже понять и почувствовать, какой огромный путь прошел латвийский народ с тех пор, как в 1940 году обидела советская власть. Путь от непрожитой жизни к жизни советской.

Рассказы Анны Саксе помогают нам глубже понять и почувствовать, какой огромный путь прошел латвийский народ с тех пор, как в 1940 году обидела советская власть. Путь от непрожитой жизни к жизни советской.

Рассказы Анны Саксе помогают нам глубже понять и почувствовать, какой огромный путь прошел латвийский народ с тех пор, как в 1940 году обидела советская власть. Путь от непрожитой жизни к жизни советской.

Рассказы Анны Саксе помогают нам глубже понять и почувствовать, какой огромный путь прошел латвийский народ с тех пор, как в 1940 году обидела советская власть. Путь от непрожитой жизни к жизни советской.

Рассказы Анны Саксе помогают нам глубже понять и почувствовать, какой огромный путь прошел латвийский народ с тех пор, как в 1940 году обидела советская власть. Путь от непрожитой жизни к жизни советской.

Рассказы Анны Саксе помогают нам глубже понять и почувствовать, какой огромный путь прошел латвийский народ с тех пор, как в 1940 году обидела советская власть. Путь от непрожитой жизни к жизни советской.

Рассказы Анны Саксе помогают нам глубже понять и почувствовать, какой огромный путь прошел латвийский народ с тех пор, как в 1940 году обидела советская власть. Путь от непрожитой жизни к жизни советской.

Рассказы Анны Саксе помогают нам глубже понять и почувствовать, какой огромный путь прошел латвийский народ с тех пор, как в 1940 году обидела советская власть. Путь от непрожитой жизни к жизни советской.

Рассказы Анны Саксе помогают нам глубже понять и почувствовать, какой огромный путь прошел латвийский народ с тех пор, как в 1940 году обидела советская власть. Путь от непрожитой жизни к жизни советской.

Рассказы Анны Саксе помогают нам глубже понять и почувствовать, какой огромный путь прошел латвийский народ с тех пор, как в 1940 году обидела советская власть. Путь от непрожитой жизни к жизни советской.

Рассказы Анны Саксе помогают нам глубже понять и почувствовать, какой огромный путь прошел латвийский народ с тех пор, как в 1940 году обидела советская власть. Путь от непрожитой жизни к жизни советской.

Рассказы Анны Саксе помогают нам глубже понять и почувствовать, какой огромный путь прошел латвийский народ с тех пор, как в 1940 году обидела советская власть. Путь от непрожитой жизни к жизни советской.

Рассказы Анны Саксе помогают нам глубже понять и почувствовать, какой огромный путь прошел латвийский народ с тех пор, как в 1940 году обидела советская власть. Путь от непрожитой жизни к жизни советской.

Рассказы Анны Саксе помогают нам глубже понять и почувствовать, какой огромный путь прошел латвийский народ с тех пор, как в 1940 году обидела советская власть. Путь от непрожитой жизни к жизни советской.

Рассказы Анны Саксе помогают нам глубже понять и почувствовать, какой огромный путь прошел латвийский народ с тех пор, как в 1940 году обидела советская власть. Путь от непрожитой жизни к жизни советской.

Рассказы Анны Саксе помогают нам глубже понять и почувствовать, какой огромный путь прошел латвийский народ с тех пор, как в 1940 году обидела советская власть. Путь от непрожитой жизни к жизни советской.

Эти дни незабываемы. Они оставили глубокий, неизгладимый след в сердце латвийского народа. Как песня счастья, песня весны, с особой силой звучали пушкинские строки в юбилейные

Мы хотим мира!

V. Фиалки пахнут не тем

Пусть извинит меня Сергей Образцов за то, что я совершенно плагиат, используя для заглавия этой главы название американского фильма из его последней постановки. Но именно это название не только лучше подходит к тому, о чем у меня пойдет речь.

А речь пойдет о нескольких фиалках. О нескольких фиалках, цветущих на парижской мостовой.

— Вам непременно нужно увидеть экзистенциалистов.

— Но что именно? Пьесы, картины? — Нет, нет! Просто экзистенциалистов в их натуральном, естественном состоянии, живых, настоящих экзистенциалистов.

У них в Париже есть несколько клубов. Тада можно прийти и сесть за столик, заказав себе вино или минеральную воду. Но есть и закрытый клуб, куда доступ имеют только члены этих клубов и введенные ими гости. Именно там можно ознакомиться, как сказать, с квинт-эссенцией экзистенциализма.

Одна из них — это непонятный человек, у которого экзистенциализмом столько же общего, сколько с населением Марса, записавшись в члены этого клуба, уплатив взноса в несколько тысяч франков, с единственной целью — повести нас туда.

Спускаемся по лестнице в подвальное помещение, типичное для большинства ночных ресторанов Парижа. Зал набит до отказа, и нашей небольшой группе, кажется, невозможно и подумать о том, чтобы найти себе здесь хоть какое-нибудь место. Но вот официант уже тащит столик — размером с книгу среднего формата — как том энциклопедия, скажем. Мы недоверчиво наблюдаем за тем, что из этого получится. Затем появляются и стулья, сиденье которых своими размерами напоминает небольшую пеньку. Не проходит пяти минут, как вся наша компания спит вокруг столика, плотно ввинченная в толпу соседей, втиснутая в спины и бока людей, спесиванных за такими же столиками. Это невероятно, но мы сидим, если можно так назвать наше положение. Во всяком случае мы занимаем какую-то точку в пространстве, пребывая при этом в сияющей позе.

Чувствуем себя, как сельдь в бочке, но по мере возможности все же осматриваемся. Ничего особенного не замечаем. Обыкновенные, нормальные люди сидят за столиками, много молодежи. Единственная отличительная черта этого общества состоит в том, что женщины расстегнуты, в противоположность тем французкам, которых можно видеть на улицах и которые всегда тщательно причесаны. Быть может, это один из компонентов экзистенциалистского «верноподданства», а, может быть, и просто результат проталкивания сквозь напояющуюся так густую толпу. Не знаю.

Возникает вопрос: что произойдет, если кто-нибудь захочет выйти отсюда? Ответ не заставляет себя ждать. Вы чувствуете на плече чью-то руку, на колени чью-то ногу, и долговязый шарень быстро и ловко перемахивает по плечам, спицам и коленным сиденьям в другой конец зала.

Мы надеемся, что, помимо этой необычайной тесноты, мы увидим здесь и кое-что действительно необыкновенное. Но пока никто этого не предвещает. Бое-где на столиках стоят бутылки вина, но в большинстве посетители удовлетворяются минимальной дозой. Лишь через некоторое время мы замечаем, что с трудом слышим друг друга. Зал наполнен диким, оглушающим шумом. Люди орут друг другу на ухо, знакомые переговариваются из одного конца зала в другой, кто-то не обращая внимания на окружающих, весьма сомнительным голосом поет песенку. Все это в общей сложности производит шум и гул, словно от вращения медных жерновов. В глубине зала виден рояль и нечто вроде занавеса. Значит, будут и выступления.

Публика знает, что выступления будут, и ждет их. Но с началом запаздывают. В зале начинается страшный беспорядок. Сперва стук бутылками и кулаками по столу. Тотанье ногами. Весь зал скандирует: — Па-чи-пати! Па-чи-пати! Скандирование переходит в вой. Молодые и не слишком молодые люди вынимают из карманов полицейские свистки, и наш зал раздирают пронзительные звуки. Крик доходит до невыносимых пределов. Некто, видимо, руководитель, появляется и роляет и хочет что-то сказать; однако о предоставлении ему этой возможности и речи нет. Свист, крик, топот, какой-то нецензурный рев продолжают непрерывно. Совершенно ясно, что дело здесь вовсе не в требования ускорить начало выступления, а именно в том, чтобы орать, рычать, свистеть, топтать ногами. Все это длится до тех пор, пока не раздается маленький залив и не появляются четыре брата Жак. Может быть, они и в самом деле братья, а, может быть, и нет. Говорят, что это студенты, которые сперва зарабатывали себе таким образом деньги на учебу, а потом, ввиду огромного успе-

ха, бросили учебу и выступают по различным кабакам и ночным театрам. Быстро, одна за другой, идут коротенькие сценки. Братья Жак в качестве полицейских. Извозчиков, Жюкеев. Обычные песенки, нельзя сказать, чтобы особенно веселые или остроумные, иллюстрируемые мимикой и движениями. Но они имеют здесь огромный успех, который опять-таки выражается диким ревом.

Этому городу как будто суждено делать нам постоянные сюрпризы. Мы представляем себе все, но только не это. Весь смысл этих «экзистенциалистских развлечений», видимо, и состоит в том, что столь культурные, приятные, выдержанные и любезные французы превращаются в разнузданных сопляков, в какую-то баню подростков, которые вдруг вырвались из-под наблюдения взрослых и сами не знают, как воспользоваться свободой. Что общего это имеет с каким-то «направлением» в искусстве, что это вообще имеет общего с тем бы то ни было? И подумать только, что в то же самое время такие же «развлечения» происходят в четырех или пяти таких же битком набитых залах и продолжают, как нас уверяли посвященные, с вечера до самого утра. Причем есть такие любители, которые проводят здесь напрочь целые ночи и делают это сжоготом. Можно было бы недоумоно пожать плечами, сразу же забыв об этом, казалось бы, безразличном идотстве.

Если, однако, в нем разобраться, то окажется, что «фиалки пахнут не тем». Совершенно «не тем».

Ведь у такой фиалки парижской мостовой, как экзистенциализм, — много разных обликот. У нее есть и свой парад, раздутый рекламой псевдоинтератор Сартр. Есть пьесы, которыми экзистенциализм ушачет публику в театре, есть книжки, которые доходят до читателя, есть журналы, пытающиеся оказывать влияние через посредство прессы. Студент философского факультета Сорбонны рассказывает нам, что программа курса философии, по которой там читают лекции, охватывает всю историю философии от Гегеля, но все же без Гегеля, затем происходит скачок прямо к Бергсону, затем опять провал — и с прошлого года университетской молодежи читаются лекции о «философии» Сартра. Прелестно составленная история философии, не правда ли?

А сурь сартровской «философии» весьма несложна. Мы имели возможность ознакомиться с нею в не виденных нами на сцене, но прочитанных пьесах Сартра. Человек один, человек бесслен, человек должен погибнуть. Незачем и не за что бороться, каждая вещь и каждое явление имеют лицо и изнанку, но вы можете их выворачивать как угодно, так и этак, — все равно от этого ничего не изменится. Философия гибнущего бакакрота, философия моральной гнили. Конечно, можно сплунуть и равнодушно пройти мимо этого патологического явления.

Но... «фиалки пахнут не тем». Но на следы этой «философии» вы наталкиваетесь довольно часто. Это та самая «мудрость», какую стараются внедрить в сознание народа, совсем недавно перенесшего ужасную катастрофу, преданного правительством, попавшего под иго фашистской Германии и прошедшего несколько лет под пятой жестокой и беспощадной оккупации.

Нное дело, когда ты знаешь, что на тебя напал враг, с которым ты борешься. Когда ты знаешь, что тысячи близких тебе людей борются рядом с тобой. Когда ты чувствуешь, что являешься частью борющейся страны, народа, государства. Когда в самые трудные, грозные моменты ты ощущаешь за собой силу партия, народа, силу государства. Когда ты знаешь, что твоё правительство с тобой, и тыв партия с тобой, с тобой весь народ. И что, даже когда стекала в московских оклах уже вздрагивали от приближающейся канонады, тут же, в своем городе со своим народом оставался человек, которому ты веришь, которого ты любишь и который — ты твердо знаешь это — никогда тебя не покинет.

Одно дело переживать войну таким образом. И другое — в один прекрасный день убедиться, что тебя, связанного по рукам и ногам, выдали на призыв врагу, что тебя предали, что тебе позорнейшим образом изменили, как это было во Франции.

Такого рода катастрофа не могла не оставить глубоких следов в сознании всего народа. По народ Франции в этом случае должен найти в себе силу, чтобы преодолеть эту травму. И все усилия сознательных людей, считающих службу народу своим долгом, следует направить именно к этому.

Но положение осложняется тем, что Франция переживает после освобождения новую катастрофу — американскую оккупацию. На этот раз мырнуо, без взрывов бомб и ружейных залпов. Вместо того, чтобы залечивать раны, поднимать духовно, материально, физически, страна по милости американских колонизаторов впадает во все более тяжкую нищету, обречается на все большие трудности.

И в это самое время раздается хор голосов, которые назойливо и упорно повторяют: незачем и не за что бороться. Человек бесслен. Гибель все равно неизбежна. Вам нигде не уйти от того, что вам суждено. Жизнь отвратительна, люди подлы.

Ты берешь книжку, — и в ней тебя уверяют, что жизнь ужасна и что для тебя выхода нет. Ты смотришь кинокартину, — и в ней тебя убеждают, что жить не стоит, бороться не стоит, не стоит и думать ид о чем ином, кроме своих сугубо личных, «внутренних» дел.

Экзистенциализм, «сартризм» вырос на французской почве. Но полыхает, хлещ и длетет эту «фиалку» покровитель из-за океана. Разумеется, ведь это так выгодно, чтобы Франция не сопротивлялась ничему происходящему, чтобы французы не занимались политикой, не слишком интересовались тем, что и почему делается и какие результаты принесет все это их стране. И только теперь ты осознаешь, как и где смыкается «сплошное бление» в экзистенциалистских кабаках с «искусством» и «философией». Ведь гораздо выгоднее, чтобы несколько сот здоровых, крепких, преимущественно молодых людей проводило ночи напролет, занималось топашем ногами и нецензурными ревом, чем если бы те же молодые люди отравившись демонстрировать, скажем, к штабу Монтемери в Фонтенбле, как демонстрируют французские работницы, или употребили это время на чтение книг, помогающих осмыслить все происходящее во Франции и понять, куда ее ведут марionеточные руководители, послушные своим заокеанским повелителям.

Это было бы для господ повелителей весьма небезопасно. Так пусть же молодые люди дебоширят в ночных клубах и там совершенно свободно разряжают свою энергию в русло бессмысленности. А ведь за этими сотнями, выходящими по ночам на улицы, идут и другие зрители, поклонники, подражатели. Пусть их даже немного, но все же хоть небольшая группа парализована, охвачена апатией, обезврежена.

Быть может, такое объяснение «сартризма», как социального явления, кое-кому и покажется слишком прямолинейным?

Но тогда как и чем можно объяснить, что тот самый Сартр, который провозгласил себя апостолом бездельности и «борном» против «стадности» человека, тот самый Сартр, который культивирует индивидуализм и объявляет политику и общественную деятельность вредной бессмысленной, — внезапно начинает сам заниматься политикой. Причем выбирает для этого весьма острый и весьма показательный момент. Когда весь Париж был полон ожиданием Всемирного конгресса сторонников мира, когда сюда со всего света съезжались люди, чтобы твердо заявить о своей готовности отстаивать дело мира и бороться против поджигателей войны, когда миллионы французев демонстрировали на стадионе Буффало, — не кто иной, как Сартр, пытался подготовить конгрессу, «ответ» на конгресс, иначе говоря, выполнить прямое политическое задание американских поджигателей войны. Куда девалась все его «теория», краеугольным камнем которых были аполитичность и пассивность? От них не осталось и следа. Кому же в этот момент потребовалось организовать во что бы то ни стало выступление против конгресса, делегаты которого высказались за мир от имени большинства населения земного шара? Всем известно, кто старался сначала сорвать, а затем парализовать влияние парижского конгресса. За океаном встревожились и решили: а что, если этого самого Сартра более энергично, чем до сих пор, использовать для подрывной разлагающей работы?

Вся эта жалкая и провокационная затея окончилась полным провалом. Но Сартр и все те, кого он представляет, полностью обожгли свое подлое обличье, обличье врагов народа, иностранных агентов, готовых в любой момент служить реакции и империализму. И в первую очередь империализму доллара.

Идея ясна, в своей основе чудовищная интересам народа и враждебная ему, в том числе и сартровская «идея», рано или поздно окажется на вооружении у врагов народа, — такова неумолимая логика предательства, хотя бы это предательство поначалу и ридилось в «чисто интеллектуальные» оежды.

Вот почему и экзистенциалистская фиалка явно пахнет «не тем». Не философия, не новым направлением в искусстве, не литературой. От нее явственно несет гнилотный американским запахом, которого не заглушить ничем! Я, разумеется, не утверждаю, что все последователи Сартра, вошедшие в ночные клубы или даже пишущие статьи, являются профессиональными агентами американского империализма, оккупирующего сейчас Францию. Субъективно они могут быть кем угодно. Но объективно они являются не чем иным, как орудием разрушения и унижения своего народа перед

лицом и по заданию чужеземных колонизаторов. Да, у этой «фиалки» очень явственный запах!

Передем, однако, к другой «фиалке» из того же самого «букета». Не так давно в Париже внезапно появился американский летчик Гарри Дэвис. Его появление сопровождалось шумной рекламой в прессе, сенсационными заголовками, фотографиями, интервью в газетах.

Летчик появился неожиданно, словно с неба упал. Он сразу же публично разорвал свой американский паспорт и торжественно провозгласил, что отныне он является «гражданином мира». У него тут же обнаружались обожатели и поклонники. Гражданин мира, ах, как это прекрасно звучит!

Дескать, родина — это устаревшее понятие, предрассудок, а предрассудок нужно уничтожить. Все, все можно излечить и поправить, если только освободиться от этой традиционной привязанности к той или другой стране. Тогда все станет так просто, ясно, все будет так легко устроиться! Долой границы, долой составы, все мы — граждане всего мира!

Даже у некоторых серьезных, но оторванных от жизни ученых слегка закружилась голова. А целая группа истеричек сразу записалась в адъютанты к Гарри Дэвису. Ах, летчик! Ах, гражданин мира! Как это ново, свежо, оригинально! Как это помогает сразу разрешить все политические проблемы! Переворот! Начинается новая эпоха в истории человечества!

Как мы видим, «фиалка», вращающаяся на американской почве, быстро и легко прижилась, казалось бы, на парижской мостовой. Она была здесь кое-кому нужна, очень нужна.

Она нужна была хотя бы для того, чтобы легче было «объяснить» обыкновенному, формальному французу, на каком основании во французском министерстве иностранных дел преспокойно и достаточно энергично работают американские чиновники. Да и не только в министерстве иностранных дел; и в министерстве внутренних дел, где американцы тоже сидят и распоряжаются без всяких стеснений. Наконец, как убедить среднего француза, что это в порядке вещей, когда из его страны американцы вывозят все, что возможно вывезти, душат французскую промышленность и пользуются решашим голосом при определении внешней и внутренней политики Франции?

Здесь на помощь и призывается проповедь всякого рода «идей» о том, что суверенность — это предрассудок, что патриотизм — это пережиток, что национальная гордость есть чувство, несвойственное современному человеку. Гарри Дэвис и принялся убеждать французов во всем этом.

Ему, однако, основательно не повезло. Даже у тех, кто в первый момент одумался его лозунги, тоже стали быстро зарождаться сомнения. Почему, собственно, Гарри Дэвис явился для провозглашения своих «идей» именно в Париж? Почему он не избрал ареной деятельности свою страну?

И вот еще относительно границы... Границы Франции и так уже открыты для всякого рода американских спекулянтов и бизнесменов, так что целесообразно было бы убеждать американское правительство в том, чтобы оно открыло свои границы, к примеру, для французских ученых, перед которыми они закрыты на замок... И вообще Гарри Дэвис ошибся, начиная свою «миссионерскую работу» с Франции. Следовало начинать ее как раз там, откуда он прибыл, — в Америке.

Но американские правящие круги совсем не намерены убеждать своих граждан в том, что чувство национальной гордости — это устаревшее понятие, что патриотизм — это предрассудок, что суверенитет — это излишний балласт. Наоборот, американские правящие круги считают такого рода «идеи» годными только на экспорт, какой они и провозгласили в придурочном порядке. Им нужно, чтобы французы или другие обитатели Западной Европы перестали быть патриотами, и тогда будет легче захватить в свои лапы их страну. Им нужно, чтобы французы или другие обитатели Западной Европы считали, что суверенитет — это вздор, и тогда будет легче диктовать свои условия. Им нужно, чтобы французы или другие обитатели Западной Европы считали национальные границы пустяками, и тогда американским аферистам будет совсем легко «разежать» повсюду. Им нужно, чтобы французы или другие обитатели Западной Европы считали себя «гражданами мира», и тогда будет легко лишить их всяких прав и всякого гражданства.

Неудивительно поэтому, что Гарри Дэвис начал свою «миссионерскую работу» именно в Париже. Эта «фиалка» предназначается на экспорт, исключительно на экспорт.

Обе «фиалки» пахнут совершенно «не тем». Они распространяют трупный запах гнили, которым пытаются отравить воздух в чудесном городе Париже и чудесной стране Франции.

Впервые за долгое время я свободно дышу, смотрю, слушаю. Я счастлив, что это происходит именно здесь, в Советском Союзе, в дни, когда слово «мир» повторяется непрестанно, как непрерывный удар молота о темную дверь, которую мы должны открыть. Я знаю, что на торжествах, где советский народ чувствует великого русского поэта Александра Пушкина, я скромно представляю мой народ.

Если в победах и страданиях, выпавших на долю народов за последние годы, есть и наша доля, доля маленького народа, живущего на Тихоокеанском побережье в далекой Южной Америке, — все же наши победы не могут сравниться с бессмертными победами Советского Союза во всех областях жизни, а наши страдания не могут сравниться с теми неслыханными муками, которые переносят народы Греции и Испании в их борьбе против чужеземных агрессоров и монархо-фашистских палачей.

Мой народ предавали многие годы. В месторождениях селитры, в угольных шахтах, в горах, где имеются залежи меди, добываемой нечеловеческим трудом, — везде возникло широкое народно-освободительное движение. В результате президент Чили был избран человек, который обещал осуществить самые насущные и неотложные мероприятия и который поклялся, что будет проводить политику мира, способную вернуть национальные богатства народу, вырвав их из рук чужеземцев-захватчиков.

Но этот человек, придя к власти, продался иностранным империалистам, стал преследовать мой народ, обрел его на пути и страдания. Подобно тому как еще недавно имя Гисслинг или Лаваль было синонимом предательства, так и ныне имя Гонсалеса Видела — этого гнусного угнетателя моей родины — тоже является синонимом самого черного предательства.

И как это ни чудовищно, но угроза войны служит ему «оправданием» для всякого рода насилия в моей стране. На устах у Гонсалеса Видела, едва он прибыл в Рио де Жанейро, где ему были даны соответствующие вступительные, — всегда одно и то же слово: война. Всякий раз, когда по его приказу проводятся новые репрессии против шахтеров, крестьян или интеллигенции, Видела съезжает журналистов и говорит им: «Эти меры войны, но они продиктованы угрозой войны». Когда он намеревается вырвать налицо или заключить в концентрационные лагеря сотни учителей, он заявляет с деланным сокрушением: «Что поделаешь? Война близка». Таким образом, угроза войны провокационно используется в качестве предлога для любого антинародного мероприятия, для того чтобы повернуть колесо истории вспять, сдержать все усиляющуюся борьбу трудящихся и рост сознательности масс.

Трудовое законодательство, завоеванное ценою огромных усилий в результате полувековой борьбы рабочих, было уничтожено в Латинской Америке в течение одной минуты все под тем же предлогом «угрозы войны».

А в это самое время североамериканским колонизаторам палачи отдают наизусть нефть, кофе, наши порты и базис. Американская пропаганда усиленно «обрабатывает» наш несчастный народ: «Волл-стриту необходимо дешевое пушечное мясо, ему нужны солдаты, которые согласны были бы идти на смерть во имя осуществления агрессивных воледей американских монополий».

Итак, борясь за мир, мы, латиноамериканцы, боремся и против врагов нашей независимости и против уничтожения завоеваний, добытых нашими народами, мы боремся за их благосостояние и приобретение в культуре. Существует, как известно, межамериканский пакт обороны, подписанный представителями американских стран в Рио де Жанейро. Он был заключен втихомолку, без шума и треска, сопроводившего подписание Северо-атлантического пакта. В данном случае не было необходимости в барабанах и литаврах: лачен были попросту вызваны своим хозяином в Рио де Жанейро, и все эти Видела, Дутра, Трухильо вылезли из своих нор и послушно выполнили приказ. Цель этого соглашения ясна: США хотят сохранить наш устаревшее вооружение и готовить народ Латинской Америки к очередной войне во имя своих интересов.

Лачен, временно «сидящие на президентских тронах в наших порабоженных странах, вернулись из Рио де Жанейро довольными: в их руках оказалось, так они, по крайней мере, думают, оружие для кровавых расправ».

Латинская Америка изоблудит горными пещинами, могучими реками и... трагическими катастрофами. Может даже показаться, что люди, живущие в этих далеких краях, терпящие страшную нужду, мешающую развиваться продажным олигархам и личным монополистам, не сознают нависшей над ним угрозы. Однако это не так. Успехи таких борцов за освобождение своей родины, как — я приведу лишь несколько имен — Луис Эмилио Рекабаррен, герой трудящихся селитровых копей, как легендарный Луис Баррос Престес, как Хуан Маринельо, как Виктор Колдовилья, пробужденное сознание широчайших масс, самидарность наших народов, деятельность демократических организаций, которые империалисты тиешно старались расколоть, а также огромная любовь наших народов к Советскому Союзу, — все это, вместе взятое, образует могучий оплот, вместе крикий, чем Анды. Об этом оплот разобьются все, кто рассчитывает втянуть Латинскую Америку в войну против наших советских братьев, против страны, где осуществляются лучшие надежды человечества.

Я хочу напомнить народам Латинской Америки о том, как ридились наши армия. Они ридились в борьбе за независимость: это армия свободы. Наши войска преградили путь испанским завоевателям и распространяли гуманистические и свободолюбивые идеи революционной Франции по всем артериям Америки. Это наша единственная военная традиция. Допустят ли наши солдаты, чтобы их использовали банкиры Нью-Йорка в своих завоевательных авантюрах? Допустим ли мы, чтобы священные знамена, под которыми ридилась свобода Латинской Америки, были бы осквернены услужением авантюристам доллара?

Нет! Соглашения, за которыми скрываются планы гнусной агрессии, не будут никогда одобрены народами. Народы не подписывали их; их мнения на этот счет не спрашивали; их заведомо пытались ввести в заблуждение относительно полных целей этих соглашений. Вот почему мы будем выступать против такого рода пактов, как против пактов войны. Мы не устанем бороться с теми, кто хочет втянуть нас в новую войну.

И наша борьба будет беспощадной.

Мы помним все преступления, совершенные против наших народов, ждущих часа возмездия.

Если же, вопреки воле народа, империалисты все же развяжут войну, — это будет величайшим из преступлений, и кара за него будет страшной! Мы знаем, что в Соединенных Штатах есть большие свежие силы, которые будут расти и которые, в конечном счете, возьмут верх над врагами мира. К сожалению, пока Латинская Америка выезда только прокси империалистов, только удаляющее «спокровительство» алчных и воинствующих магнатов-торгашей, в интересах своего бизнеса готовящих ныне новую войну.

Столетнее соседство с Соединенными Штатами означало потерю таких территорий, как Техас, поражение Порто-Рико и истинные посягательства на независимость маленьких республик Центральной Америки, наводненной представителями американских компаний, эксплуататорскими, тираническими методами этих стран.

Наш латиноамериканский континент по существу уже давно «труманизирован» и «маршаллизирован». Результаты этого поражения хорошо известны Европе и всему миру. Латинская Америка не производит ни одного автомобиля, ни одного трактора, ни одной пишущей машинки; многие десятилетия она отлагает все свое сырье новым конкистадорам. Чили обладает самыми крупными в мире залежами меди, но на каждый доллар, получаемый от ее добычи, в моей стране остается 10 центов, а остальные 90 получают американские монополии. Когда рабочие требуют повышения заработной платы, чтобы не умереть с голоду, — чилийская полиция, состоящая, по приказу Гонсалеса Видела, на службе у иностранных компаний, получает от американских управляющих списки рабочих, подлежащих увольнению. И сотни мужчин и женщин остаются без работы, обрекаясь на бродяжничество. Таков империалистический «мир», таков империалистический «общественный порядок».

Мы хотим, чтобы подобные условия жизни исчезли с лица земли. Когда на недавно провозгладившем в Париже Всемирном конгрессе сторонников мира Александр Фадеев своим ясным и энергичным словом разоблачал склонность некоторых «деятели» расшептать эпидемию и ейлуну как средства, способствующие уничтожению изланных населения, мы получили, что в нашей Латинской Америке, на ее необорытых пространствах могли бы жить сотни миллионов людей в достатке. Для этого нужно, чтобы борьба народа, разум и наука изменили нынешние невыносимые условия существования. Нам надо очень многое сделать. Нам надо построить много дорог и тысяч школ. Обеспечить ведр, омовить реки, заселить новые территории. Надо учиться уметь друг друга. Надо покончить с национальной враждой. И надо писать книги, создавать картины. Мы должны многое построить на нашем континенте. Можем ли мы не препятствовать тем, кто готовит войну?

Мы хотим, чтобы ваш континент стал могучим и независимым. Мы хотим видеть Латинскую Америку счастливой и оозидательной. Поэтому мы хотим мира.

Все, что говорит в защиту мира, замалчивается и извращается за океаном монополистами печати. В дни Вропавского конгресса, когда Пабло Пикассо и Анна Зегерс произносили мое имя, что является для меня большой честью, газеты в моей стране даже не упомянули о Вропаве. Завеса молчания и лжи окутывает печать, всякий голос, раздающийся в защиту мира, именуется грязными поисками «ситуационных маневров». Мы должны укреплять фронт мира, более могучий фронт, чем все существовавшие доныне.

В те тяжелые дни, когда мы начали преследовать, я почувствовал солидарность моего народа. Я не стал бы рассказывать о моих личных переживаниях, если бы из них не могли почерпнуть урок все интеллигентны мира. В момент опасности многие из тех, кто, как они говорили, «наслаждался» моей поэзией, забыли мои стихи; многие из тех, кто ел мой хлеб, забыли мое имя. Но народ, который видел, что я борюсь в его рядах, мой народ не забыл моего имени. И когда полнейшее искала меня, — все двери открывались, чтобы дать мне приют. В сознании того, что мое творчество и моя жизнь слиты с массами, я почерпнул новые силы, чтобы выступить на Всемирном конгрессе сторонников мира, чтобы прибыть в Советский Союз.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН (зам. главного редактора), Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

Творческие встречи рабочих и студентов Румынии

Творческое сотрудничество между наукой и производством в Советском Союзе вызывает глубокий интерес в Румынской народной республике. Следуя советскому опыту, уездный комитет Румынской рабочей партии организовал на-днях в городе Петросани встречу передовых шахтеров со студентами Петросанского каменноугольного института. Знающие шахтеры — кавалеры ордена Труда Лудовик Эндарика и Петру Скалузу из Аниноаса, Лудовик Пету и Эмиль Кудеря из Петрица, известные всей стране творческой инициативой, ломающей устаревшие производственные нормы, рассказавшие студентам о своих методах работы. Опыт практиков показал будущим специалистам новые огромные возможности приращения знаний, при хретаемых в институте. Подобные встречи практикуются и в других индустриальных центрах страны.

ГОСПИТИЗАТ

- Пушкин А. Сочинения. Редакция текста и комментарии. М. Издательство «О. Петрова». Вступительная статья С. Петрова. Издание иллюстрированное. 932 стр. Цена 30 р.
Пушкин А. Повесть (Стихотворения, поэмы, сказки, «Евгений Онегин», драмы) иллюстрации О. Клементьевой, Л. Хижинского, Н. Ильина, Т. Правозудки, И. Епилова, В. Малаховского, П. Соколова-Ская, Ю. Мезрицкого, А. Якобсон. 528 стр. Цена 40 р.
Пушкин А. Повести Белкина. Иллюстрации в оформлении А. Ванецкая. 72 стр. Цена 1 р. 20 к.
Пушкин А. Полтава. Поэма. Иллюстрации В. Серова. 32 стр. Цена 8 р.
Пушкин А. Бахчисарайский Фонтан. Иллюстрации А. Мовленского. 40 стр. Цена 8 р.
Пушкин А. Дубровский. Иллюстрации в оформлении книги С. Войт. 30 стр. Цена 1 р. 25 к. (Магская серия).
Пушкин А. Лирнка. Рисунки и оформление книги Н. Ильина. 112 стр. Цена 12 р.

Новые книги

- Пушкинская библиотечка из 20 книг: 1) Сказка о рыбаке и рыбке, 2) Сказка о семи богатырях, 3) Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях, 4) Сказка о поле и работнике его Бодде, 5) Сказка о золотом петушке, 6) Стихи (сборник для детей младшего возраста), 7) Стихи (сборник для детей среднего возраста), 8) Руслан и Людмила, 9) Князьский пленник, 10) Баян-царский фонтан, 11) Цыгане, 12) Полтава, 13) Медный всадник, 14) Выстрел, 15) Метель, 16) Гробовщик, 17) Станционный смотритель, 18) Варьяшка-крестьянка, 19) Дубровский, 20) Капитанская дочка.
Пушкин А. Сказки. Рисунки В. Милашевского. 84 стр. Цена 15 р.
Пушкин А. Стихотворения. 112 стр. Цена 1 р. 75 к. (Магская серия).
Владимир Д. Пушкин. 96 стр. Цена 1 р. 50 к.
Чуковский К. Пушкин и Некрасов. 48 стр. Цена 75 к.
«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»
Пушкин А. В малой серии «Библиотеки поэта», основанной М. Горьким, вторым изданием вышел:
т. I — Стихотворения. 572 стр. Цена 8 р.
т. II — Поэмы и сказки. 500 стр. Цена 9 р.
т. III — Евгений Онегин. Драма. 568 стр. Цена 10 р.
Новиков И. Пушкин в изгнании. В книге два романа: 1. Пушкин на юге, 2. Пушкин в Михайловском. 660 стр. Цена 22 р.
ДЕТГИЗ
Пушкин А. Сказки. (Школьная библиотека). 120 стр. Цена 2 р. 20 к.